

Лев Портной

СУЩЕВСКИЙ ВАЛ

Лев Портной
Сущевский вал

«Издательские решения»

Портной Л.

Суцеский вал / Л. Портной — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935320-7

1986 год, время предчувствия перемен. Сергей Морозов, молодой человек из интеллигентной семьи, вынужден в течение месяца работать грузчиком на рынке. Он считал, что опустился на дно социума. Но оказалось, что и здесь есть место чести и достоинству, милосердию и щедрости. Здесь особенно больно от предательства. Здесь он вспомнит первую влюблённость, встретит новую любовь.

ISBN 978-5-44-935320-7

© Портной Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

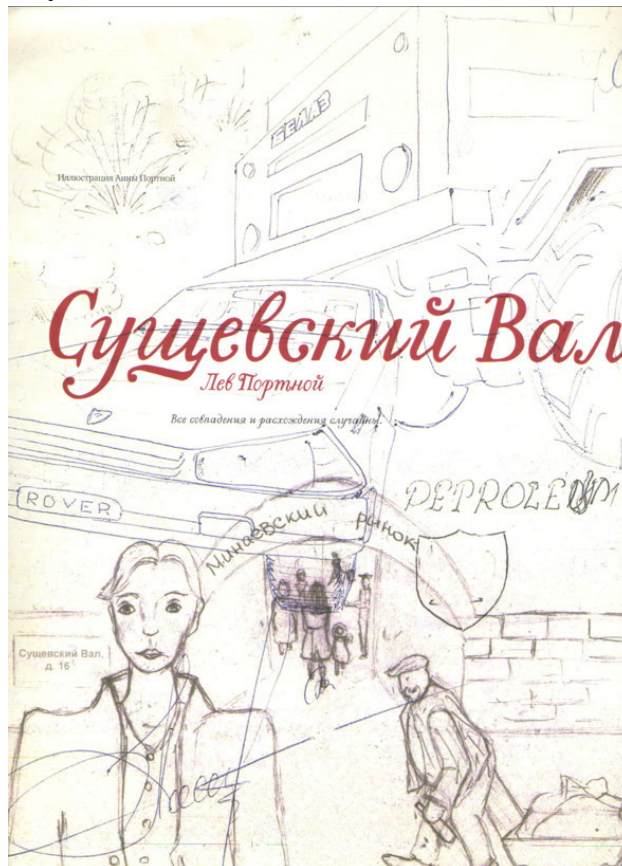
Сущевский вал

Лев Портной

© Лев Портной, 2018

ISBN 978-5-4493-5320-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга замечательного российского писателя Льва Портного. Книга выпущена в рамках конкурсной книжной серии «Славянское слово» Международным союзом писателей им. св. св. Кирилла и Мефодия.

Сущевский вал

Лев Портной

Иллюстратор Анна Портная

© Лев Портной, 2018

© Анна Портная, иллюстрации, 2018

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все совпадения и расхождения случайны.

Иллюстрация Анны Портной

Глава 1

От необходимости идти и что-то делать, чтобы исправить что-то в последний момент, Сергей Морозов страдал больше, чем страдал бы от самой катастрофы, случись она немедленно. Вот явился бы декан с извещением об отчислении из института, и молодой человек выдохнул бы с облегчением.

У него остались два «хвоста» за прошлый год – курсовая по денежному обращению и экзамен по бухгалтерскому учету. Преподаватель Васильковская сжалась над ним и дала время до начала следующего учебного года. И. о. Поддубского тоже крови не жаждал, но на поблажку поспешил. А ведь мог и «удовлетворительно» поставить. Но он только усмехнулся, протянул Морозову зачетную книжку с незаполненной графой и сказал:

– Ступай, зубоскал. Учи учет. Соизволишь выучить, приходи. В июле я буду в Москве. Когда застать меня, узнаешь на кафедре. А в августе я уйду в отпуск. Впрочем, в последних числах благословенного месяца возвращаюсь в Москву. Так что, все в твоих руках.

Сергей хотел уговорить, упросить Поддубского, поставил бы тот «троечку» и избавил бы себя от сомнительного удовольствия встречаться с Морозовым. Но умолк, взглянув в желтое лицо, на котором не столько возраст, сколько пороки высекли глубокие морщины. С торжествующей улыбкой Георгий Никитич добавил:

– А в отпуск я поеду в Коктебель, там нравы умеренные.

Тем и закончилась весенняя сессия. Сергей сказал себе, что отдохнет пару дней и засядет за учебники. Накатает курсовую. «Переход от закона денег к закону планомерного и пропорционального развития» – такой была тема работы. Бухучет – разберется, какие записи заносятся в главную книгу, если кассир Иванова взяла деньги из кассы и сдала их в банк на расчетный счет.

Два дня прошли, и он позволил себе неделю. Затем еще неделю. Потом решил, что летом нужно забыть обо всем и отдыхать. Пришла и такая спасительная мысль: если пересдавать бухучет в июле, старый хрыч непременно завалит его и принудит прийти в третий раз. Не зря же и. о. Поддубского упомянул, что появится в последних числах августа.

За курсовую Морозов не беспокоился. Пару ночей посидеть, накатать сорок страниц белиберды, напичкать цитатами из Маркса-Энгельса-Ленина и последнего съезда КПСС – всех делов-то.

Лето пролетело. Накануне первого сентября был еще порыв что-то сделать, что-то успеть за последнюю ночь. Но он не нашел учебника по бухгалтерскому учету. Должно быть, забыл где-то в аудитории, да так и не спохватился. Уже лежа в постели, вспомнил! Экзамен у Поддубского был последним. Вернувшись домой, он задвинул кейс за стол и ни разу не открывал его.

Сергей вылез из постели, откинул шершавую от пыли крышку из черного кожзаменителя, так и есть, вот он – «Бухгалтерский учет под редакцией Бабаевой». Но взять книгу в руки, сил уже не было, уже свыкся он с мыслью, что учебник пропал и сделать ничего невозможно. Он лег в постель, свернулся калачиком, и бухгалтерские птички, неподвластные его разумению, порхали перед мысленным взором, а за ними увивались четкие и понятные, но так и не написанные положения о том, как при переходе к коммунизму закон планомерного и пропорционального развития вытесняет деньги из обращения.

#

Комитет комсомола института располагался на третьем этаже в старом здании. Сергей приоткрыл дверь. Дмитрий Алексеевич, загоревший, хорошо отдохнувший, круглый и улыбающийся, со здоровым румянцем на щеках и мальчишеским блеском в глазах, сидел за столом у окна. Вокруг другого, длинного, для заседаний, стола с веселым щебетом плотно толкались

студенты, клеили плакаты для завтрашнего дня. В сердцевине утеснения оказались две студентки, Юлия Зарудная, секретарь комитета комсомола теперь уже второго курса учетно-экономического факультета. Ее сам Дмитрий Алексеевич пас. Второй была девушка, знакомая только в лицо, с волосами цвета сушеных на солнце помидоров. Она с вызывающей ленцой смотрела на вошедшего. Он спасовал перед томными маслинами, отвел глаза первым.

– Морозов! – Рукавишников как будто обрадовался.

Сергей принял возглас как разрешение войти.

– Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич, – он прошел к столу секретаря комитета.

– Так ты что, обходной лист, пришел подписывать? – задиристо спросил Рукавишников.

Морозов замешкался, размышляя: как понимать Дмитрия Алексеевича? Неужели он осведомлен о проблемах Сергея? Если так, значит, вопрос уже обсуждался. Решение принято. Можно вздохнуть свободно. Обходятся же люди без высшего образования. Живут не хуже, а то и лучше. Тех же таксистов взять.

Или успокаиваться рано? А секретарь комитета комсомола попросту считает, что отчисление такого, как Морозов, вопрос времени?

Шутливый тон Рукавишникова ни о чем не говорил. Дмитрий Алексеевич отличался легким нравом, блеск в глазах не угасал никогда, всем своим видом он предлагал принять за аксиому, что жизнь такова: «кого-то выбирают Римским Папою, кого-то запирают в тесный бокс», но при любом раскладе уныние – грех непростительный.

– Дмитрий Алексеевич, я еще не совсем потерян для общества, – сказал Морозов.

– Смотри, для какого! – парировал Рукавишников и, смягчившись, добавил. – Ладно. Зачем пожаловал?

– Дмитрий Алексеевич, у меня там «хвосты» кое-какие, – тихо, чтобы не слышали активисты, произнес Сергей.

– А комсомол тут при чем? – засмеялся секретарь.

Смеялся он по любому поводу и говорил шумно, вовлекая всех в шутовское действо.

– Комсомол не при чем, – согласился Сергей. – Завтра мы едем на «картошку»...

– Вот на «картошке» ты точно погоришь! – еще больше развеселился Рукавишников и громким шепотом произнес. – Думаешь, там через день пьют? Нет! Каждый день! А сейчас сухой закон, помнишь? Вот ты и погоришь! Вылетишь из института со строгачом, а то и из комсомола... Так что лучше малой кровью, прямо сейчас тебя отчислить. Хотя бы без взысканий обойдешься!

Он расхохотался, глядя на растерявшегося Сергея.

– Дим, хватит издеваться над человеком, – крикнула Юлия Зарудная.

– Слушай, у меня национальный праздник будет, когда Морозов уйдет, – выдавил Рукавишников, но вдруг оборвал смех и спросил: – Ну ладно. Так чего там у тебя?

– «Хвосты» небольшие, – повторил Сергей. – Бухучет и курсовая по ДОКу. Я в принципе-то написал, – тут Морозов не выдержал, вздохнул и дальше пустился в откровенное вранье. – Но там Васильковская кое-какие замечания сделала... Словом, Дмитрий Алексеевич, мне бы на «картошку» не ехать... Может, дадите здесь в Москве какое-нибудь задание?

– Не ехать ему! В стройотряд не поехал! И на «картошку» не хочешь! А еще говоришь, для общества не потерян! И потом! Что у тебя там за «хвосты» небольшие?! Скажи честно, что не брался до сих пор ни за курсовую, ни за бухучет!

– Дмитрий Алексеевич...

– А что ко мне-то пришел? – перебил его Рукавишников. – Ступай в медпункт, больничный возьми...

– Ну, это ж нечестно, – протянул Морозов.

– Честный ты мой! – воскликнул секретарь и склонился над столом.

Некоторое время он сидел, подперев голову левой рукой, а правой зажал карандаш и выстукивал дробь. Сергей обреченно ждал. Дмитрий Алексеевич, на что-то решившись, бросил карандаш и сказал:

– Значит, вот что. Я тебе помогу, но и ты должен будешь сделать кое-что...

– Дмитрий Алексеевич, для вас...

– Да не для меня! – оборвал Морозова секретарь и саркастически хмыкнул: – Для меня, хех!.. Ты вот что, Морозов. Пойдешь вместо «картошки» в магазин продавцом. Адрес пиши. Сущевский Вал, дом шестнадцать. Магазин «Овощи-Фрукты». Завтра к восьми туда. Там еще кто-то будет с УЭФа, на месте увидишь.

Сергей прижал правую руку к груди и с чувством сказал:

– Спасибо, Дмитрий Алексеевич...

– Подожди ты! – вновь перебил секретарь, теперь уже он понизил голос так, чтобы слышал только собеседник. – Это не все. Поможешь одному товарищу из райкома. Не из нашего, не из Дзержинского района, а из Кировского. Но так надо! Дуй домой сейчас, жди. Он тебе сам позвонит и все скажет. Понял?

– Дмитрий Алексеевич, все сделаю! – с готовностью пообещал Сергей.

– Телефон напости домашний, – велел Рукавишников.

Морозов написал на листке семь цифр и подвинул бумагу секретарю.

– Все, ступай, – сказал тот. – Понимаю так, что до первого октября должен сдать ты свои «хвосты».

– Да это без проблем! – с преувеличенной бодростью воскликнул Сергей.

Уже в дверях секретарь окликнул его:

– Морозов!

Сергей обернулся. Рукавишников сидел за столом, все такой же круглый, довольный жизнью, с копной русых волос, но к мальчишескому блеску в глазах добавилось еще что-то, тревога какая-то, запоздалое сожаление.

Неожиданно Морозов почувствовал взгляд незнакомой девушки.

– Соседом будешь, – сказала она с каким-то собственническим чувством в голосе.

Студенты оторвались от слепого на ватмане коллажа и окинули Сергея ревнивыми взглядами. Он проигнорировал и девушку, и всех ее кандидатов. Он ждал, что скажет Рукавишников.

– Ты вот что, Морозов, ты повнимательнее с Леонидом Павловичем, – секретарь поднял указательный палец. – Морозов, ты смотри! Там шуток не любят. Ты там все правильно сделать должен.

– Дмитрий Алексеевич! Разве я подводил вас когда-нибудь? – с наигранной обидой воскликнул Сергей.

– Надеюсь на тебя, – строго сказал секретарь.

К мальчишескому блеску в глазах Рукавишникова добавилось сомнение, словно на ответственное задание за отсутствием лучшей кандидатуры посылал он такого, как Морозов.

Глава 2

Он вышел из лифта, услышал телефонную трель, поспешно кинулся в квартиру и, бросив дверь открытой, сорвал телефонную трубку. Величественный голос спросил Сергея Морозова.

– Это я.

– Сергей, это Леонид Павлович, – голос смягчился, но звучал так, словно звонивший сидел не у аппарата, а в президиуме партийного собрания.

– Да, Дмитрий Алексеевич сказал мне, – выдал Сергей.

– Я из райкома партии Кировского района, – продолжил собеседник. – Сережа, ты будь добр, загляни сегодня ко мне, я до вечера у себя. Кабинет 416. Буду ждать.

Последние слова Леонид Павлович произнес медленно, чтобы Сергей успел возразить, случись, он сегодня на целый день приглашен в горком партии или куда повыше. Иных причин отклонить просьбу быть не могло. Сергей сразу же отправился на улицу Милашенкова, в самом конце которой особняком возвышалось кирпичное здание – исполкома и райкома КПСС Кировского района города Москвы.

По пути он пытался представить себя в райкоме партии – как войдет в кабинет, как ответит на непременно крепкое рукопожатие, – но... воображение отказывало и вместо того, чтобы проиграть в уме предстоящую встречу, рисовало благодатную картину. Он видел себя лежащим в траве на крутом берегу Волги, рядом, опершись на локоть, полулежал Леонид Павлович. Сергей видел его так же ясно, как случайного попутчика в вагоне метро. Леониду Павловичу чуть больше шестидесяти лет, у него высокий лоб, густые, белоснежные от седины волосы зачесаны назад, белая рубашка, верхняя пуговица расстегнута, красный галстук приспущен, черный пиджак небрежно брошен в траву, величественный голос раздается над рекой. Леонид Павлович рассказывает о себе, рассказывает Сергею, человеку, про которого твердо знает, что случись тому родиться в двадцатые годы, так и он в семнадцать лет удрал бы на фронт, прошел бы войну и записал бы свое имя на стене рейхстага, а потом трудился бы на заводе, а поздними вечерами при свете керосинки наверстывал бы отнятое войной – зубрил бы учебники, а потом его непременно бы заметили и перевели бы на партийную работу, и он поднимал бы целину... но вот случилось так, что родился Сергей намного позднее. Леонид Павлович умолкает, глаза его наполнены светлой грустью, он покусывает стебелек, смотрит вдаль и за рекой видит новые заводы и красивый город, который построит Сергей и в котором будут жить счастливые люди.

#

Морозов поднялся на четвертый этаж. Налево от лифта находился свободный вестибюль, а правое крыло отгораживали двойные двери с красной табличкой. Сергей двинул налево, обошел по кругу и понял, что искомый, четыреста шестнадцатый кабинет расположен за двойными дверями. Он вернулся и прочитал на табличке – «Комитет народного контроля Кировского района города Москвы». Сергей переступил порог.

Он нашел четыреста шестнадцатый кабинет, постучал в дверь, приоткрыл ее – внутри никого не было. Одна из стен оказалась целиком заставленной шкафами. Сергей окинул их взглядом и закрыл дверь, оставшись в коридоре. Он сел на кушетку, обитую красным кожаным материалом, с тоской огляделся по сторонам. Коридоры пустовали, спросить, где можно найти Леонида Павловича, было не у кого.

Прошло около двадцати минут. Неожиданно хлопнули двери, и появился молодой мужчина в джинсах и белой рубашке, которую вместо галстука украшали солнцезащитные очки. У него были иссиня-черные волосы, длинные, прикрывавшие уши и шею, но аккуратно постриженные. Он шел уверенно, хотя и выглядел чужеродно в вестибюле райкома партии.

Мужчина остановился напротив четыреста шестнадцатого кабинета, посмотрел сверху вниз на Морозова и, ткнув большим пальцем правой руки на дверь, спросил:

– На месте?

– Нет, отошел куда-то, – ответил Сергей. – Вот, тоже жду.

Мужчина хмыкнул, плюхнулся на банкетку рядом с Морозовым и задрал ногу на ногу.

– Давно ждешь? – спросил он.

– С полчасика, – сказал Морозов.

– А-а! Появится сейчас, должен быть на месте, – успокоился незнакомец и поинтересовался у Сергея: – Сам откуда?

– Студент, – обронил Морозов.

Он утомился от ожидания, но отчего-то не имел желания общаться.

– Студент? – с некоторым удивлением повторил мужчина и спросил, явно не ожидая ответа от собеседника: – Студент-то зачем?

Они сидели молча. Незнакомец время от времени менял позу, закидывая то одну, то другую ногу, оглядывался по сторонам, хмыкал и сопел, недовольный вынужденным ожиданием. Прошло минут десять. Вдруг он обратился к Морозову вполне дружелюбным голосом:

– А ты бывал здесь или впервые?

– Впервые, – односложно ответил Сергей.

– А ты в шкафу-то смотрел? – спросил незнакомец.

– В шкафу? – удивился Морозов.

– В шкафу! – повторил мужчина. – Он же в шкафу сидит!

– В шкафу не смотрел, – признался Сергей.

– Вот елки! – подпрыгнул незнакомец.

Он открыл дверь, прошел внутрь и распахнул дверцы стенного шкафа – они оказались дверьми в следующий кабинет.

– Вот же он! В шкафу сидит! – по-свойски сказал мужчина и жестом пригласил Морозова. – Проходи!

– Ну, может быть, вы, – Сергей решил в знак благодарности пропустить незнакомца вперед.

– Да не-е! Давай-давай! Подожду, – великодушно отказался мужчина.

#

Леонид Павлович сидел спиной к окну. Был он моложе, нежели рисовало воображение Морозова, не намного, но очевидно, что на фронт если и удирал, то мамка ловила его у калитки. Волосы у него были жидкие, а редкие проседи только прибавляли неказистости. Леонид Павлович зачесывал их назад, но они не слушались и свисали на лоб слипшимися сосульками. Смотрел он в бок, в пустое место на стене, много ниже портретов членов Политбюро.

– Вы?.. – протянул заглянувший в проем Сергей.

– А, Морозов! – откликнулся хозяин кабинета. – Проходи, садись.

В голосе не было прежней уверенности, словно между телефонным разговором и встречей Леонид Павлович лишился чего-то важного, что составляло смысл его жизни. Морозов прошел вдоль стола и сел справа от собеседника. Тот подал руку, они поздоровались.

– Сергей, ты с завтрашнего дня идешь в магазин работать, – сказал Леонид Павлович, и в его слабом голосе зазвучали доверительные нотки. – «Овощи-фрукты», на Суцевском Валу...

– Иду, – кивнул Морозов. – Но только на один месяц. Вместо «картошки».

– А что же на «картошку» не поехал? – спросил Леонид Павлович.

– Да так, дела кое-какие в Москве, вот Дмитрий Алексеевич помог...

– Дела – это хорошо, – одобрил хозяин кабинета. – Вот и у меня к тебе дело будет. Ты же в финансовом институте учишься. Значит, разберешься. К сожалению, Сережа, в торговой сфере у нас много несознательных... элементов что ли... Сам знаешь, немаленький. Нужно этих людей перевоспитывать. Иначе, – тут Леонид Павлович повысил голос, – мы коммунизм никогда не построим!

На секунду Сергей испугался, в голову пришла мысль, что ему поручат проведение политинформаций для сотрудников магазина по утрам перед началом работы. Он к стыду своему до сих пор не приучил себя к регулярному чтению газет. «Заголовки меня пугают!» – отшучивался он в ответ на упреки, что он, студент гуманитарного института, в части политической грамотности хуже троглодитов из технических ВУЗов.

Прочитать с утра передовицу и пересказать несознательным теткам – дело нехитрое. Но до того ли ему, когда и без газет такое ярмо на шее – курсовая и экзамен по бухучету.

Однако отказать Леониду Павловичу Сергей не мог. В райком приглашают не каждый день и не каждого! Может, за всю жизнь другого случая отличиться не представится. В семнадцать лет на фронт он не убежал, а в восемнадцать хотя и пошел в армию, но от добровольной службы в Афганистане малодушно уклонился. Совершать подвиги хотелось исключительно в мирной жизни.

– Мне, Сережа, понадобится информация от тебя. Ты парень смывленный, разберешься там, что к чему, – продолжил Леонид Павлович. – Приметишь, как производятся нарушения, как обсчитывают покупателей, как продавцы делятся с директором, кто участвует в этих делишках, а кто и нет, – словом, кто и как расхищает социалистическую собственность? Понял?

– Я понял, Леонид Павлович. Я сделаю все, как надо, – кивнул Сергей.

#

– Нормально все? – спросил его на выходе незнакомец.

– А-а? – Сергей уже и забыл о нем.

Он с удивлением рассматривал собственное отражение в солнцезащитных очках, болтавшихся на груди собеседника, он не понимал, что этот человек здесь делает, почему так беспечен – неужели не чувствует, что ему здесь не место?

– Эй-эй! Ты чего? С тобой все нормально? – незнакомец всерьез обеспокоился.

– Нормально, – буркнул Сергей.

– Ну, давай, – выдал тот на прощание веселым голосом и, пожав плечами, исчез в «шкафу».

#

Морозов вышел на улицу и смачно сплюнул. Какой-то человек в сером костюме посмотрел на Сергея, прищурившись неодобрительно. Морозов оглянулся на окна четвертого этажа. Стекла блестели в лучах еще высокого, еще летнего солнца. Запоздалое опасение, что Леонид Павлович наблюдает за ним, оказалось напрасным.

Он направился к автобусной остановке, на душе было мутно. Получалось, что его завербовали в стукачи, и он согласился. Оправдывался Сергей тем, что его застали врасплох. Он примчался в райком партии, уверенный, что его ждет партийное поручение, пусть небольшое, пусть даже мелкое совсем, это же только начало, это же огромная честь! А тут...

Вот, если бы его вызвали на площадь Дзержинского, вот, если бы на девятый этаж института, в первый отдел! Тогда бы он не оплошал! Тогда бы он шел, заранее зная, что скажет твердое «нет»!

Было такое в его жизни, уже было! Он... о, сначала он смалодушничал, сначала спасовал. Но потом исправил ситуацию и исправил так, что теперь был уверен: не только сейчас, а и всю жизнь этот случай будет предметом его тайной гордости.

Тогда его вызвал в Ленинскую комнату старший лейтенант из особого отдела. Разговаривали с глазу на глаз. По словам офицера, выбор на него пал как на человека политически грамотного, подкованного, как-никак первый курс гуманитарного ВУЗа за плечами, уж антисоветчину сможет отличить. Сергей дрогнул, дал согласие сотрудничать.

– Давай так, – сказал старший лейтенант, – если я зайду к вам в казарму и как бы между прочим с каким-нибудь вопросом к тебе обращусь, для тебя это послужит сигналом. Ты спустишься вниз и будешь ждать, а там уж на выходе мы с тобой парой словечек переберемся.

– Так точно, – только и ответил младший сержант Морозов.

– Отлично! Тогда свободен.

Сергей вышел из Ленинской комнаты первым. Через пятнадцать минут старший лейтенант, прогуливаясь по казарме, поравнялся с Морозовым и обронил:

– Стенгазету вы делали? Неплохо, неплохо, – и пошел дальше.

Сергей спустился вниз – казарма их роты занимала второй этаж трехэтажного блока. Проклиная себя, он стоял в прокуренном тамбуре перед выходом на улицу и дожидался особиста. Тот сбежал по лестнице, похлопал Сергея по плечу и с веселой улыбкой бросил ему:

– Молодец!

После обеда было личное время. Сергей кинулся на телеграф, заказал телефонный разговор с отцом. Опасаясь прослушки, предложил поговорить по-английски, – якобы для тренировки, – и сбивчиво рассказал о случившемся.

– Не делай глупостей, потом не отмоешься, – сказал папа. – Получишь пометку в личное дело и будешь всю жизнь с клеймом ходить.

На следующий день Сергей сам поймал особиста. Он нашел офицера в клубе и, удивляясь своей отваге, втиснулся следом за ним в тамбур между двойными дверьми, отделявшими зрительный зал от коридора.

– Случилось что? – удивился старший лейтенант его рвению.

– Да нет,.. – он запнулся, на мгновение испугался, хотел отступить, но все-таки выпалил: – Товарищ старший лейтенант, извините, пожалуйста, но я передумал...

– Что – передумал? – с насмешкою спросил офицер.

– Я не буду с вами сотрудничать, – эти слова Сергей произнес, глядя в глаза офицера.

В тамбуре было темно и тесно. Они стояли, едва ли не прижавшись друг к другу. Рассмотреть что-либо в подобной ситуации было нельзя, но все же что-то такое в глазах Морозова особист разглядел или почувствовал, – словом неожиданно для Сергея офицер сдался.

– Ну, ладно, нет так нет, – ответил он. – Только не рассказывай никому...

– Само собой, – бросил Морозов уже в спину старшего лейтенанта.

Последующим кошмаром для Сергея остался вопрос: успел или не успел особист сделать роковую пометку в его личном деле?

Он демобилизовался, восстановился на второй курс финансового института, перешел на третий, правда, с «хвостами». Но самое главное, что на девятый этаж в особый отдел его не вызывали. По истечении года Сергей успокоился: отметки в личном деле нет. Изредка он возвращался к тому случаю и с гордостью вспоминал разговор в тамбуре.

#

Что делать теперь? Вернуться к Леониду Павловичу, сказать «извините, передумал»? Но Рукавишников? Как быть с ним? Сергей заверил секретаря, что не подведет его.

А ведь Дмитрий Алексеевич изначально знал, куда посылает Морозова, знал, какого сорта задание Леонид Павлович даст студенту. Оттого-то в последний момент у него возникло

опасение, что не совсем подходящую кандидатуру подобрал он для деликатных поручений. Подставил он Морозова – вот что. На слове поймал: обещал ему Сергей, что не подведет.

Думал он и о том, что была все же разница между людьми с площади Дзержинского и такими, как Леонид Павлович, по крайней мере, Морозов считал, что отличие есть и существенное. «Здесь же вопрос не в том, что испортят жизнь человеку за анекдот про бровеносца, – размышлял он, поджидая автобус. – В конце концов, как-то же нужно бороться со всем этим ворьем и жуликами. Так почему не ты? Почему кто-то еще? Ты, значит, чистеньким хочешь остаться!»

Так убеждал он себя в том, что дело Леонида Павловича хотя и неприятное, но нужное. Но когда вошел в наполовину пустой автобус, остался на задней площадке. Хотелось встряски, словно гадкий осадок, оставшийся на душе, можно было вытряхнуть механическим способом.

Глава 3

Морозов доехал до Садового кольца, там пересел на «букашку», через пару остановок вышел на Колхозной площади и нырнул в метро. В поезде, идущем из центра, было тесно, люди возвращались с работы. Проехали станцию метро «Рижская». Институт находился между «Щербаковской» и «ВДНХ», ближе к «ВДНХ». Иногда Сергей доезжал до конечной и по улице возвращался назад. Но чаще выбирал более длинный путь, зато раньше покидал тягостную подземку, – выходил на «Щербаковской» и шагал пешком до улицы Кибальчича, а то и запрыгивал в троллейбус 48-го или 14-го маршрута, если таковой попадался.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Щербаковская», – механический голос прервал размышления. Из головы не выходила беседа с Леонидом Павловичем. Только теперь Морозов вспомнил, что толком не продумал разговора ни с Поддубским, ни с Васильковской. С и.о. профессора бухгалтерского учета все было ясно: нужно было договориться о дате и все. Георгий Никитич назовет день, а Сергею останется напрячься и к указанному времени хоть что-то выучить, чтобы дотянуть до «троечки». Существовала угроза, что Поддубский предложит сдать экзамен сразу же. «Вы же готовились летом», – скажет он, уставившись на Морозова выцветшими глазами. На этот случай Сергей отговорку имел: консультация на кафедре денежного обращения и кредита! простите, Георгий Никитич, уже опаздываю! Так что с Поддубским проблем не предвиделось.

Сложнее обстояли дела с курсовой. Морозов намеревался сказать Елене Александровне, что работа готова, но пару вопросов он хотел бы обсудить прежде, чем даст окончательные формулировки. Беда заключалась в том, что никаких вопросов он не придумал и не имел ни малейшего представления о том, что это могут быть за вопросы.

«Станция «Щербаковская». Следующая станция – «ВДНХ». Поезд вырвался из черного тоннеля и, замедляя ход, шел вдоль залитой электрическим светом платформы. Представительная женщина с авоськами, потеряв равновесие, навалилась на Сергея. Он поддержал ее, обходительно поменялся с ней местами, протиснулся к дверям, но в последнюю секунду выходить передумал. Чернота с редкими фонарями замельтешила за стеклом с надписью «не прислоняться». Он доехал до конечной станции, но так и не придумал, что сказать Васильковской. Долгого подъема вверх на эскалаторе тоже не хватило. Сергей вышел на улицу, и ноги сами собою понесли в подземный переход, на другую сторону проспекта Мира и – дальше, дальше, мимо гостиницы «Космос», поворот направо перед домом на курьих ножках, вниз по улице Бориса Галушкина.

#

В общежитии царил веселая суматоха. Первое сентября, начало учебного года, – чем не праздник? Особенно для первокурсников. Собственно из-за них, еще не запомнившихся вахтерам, забывали о пропускном режиме. Турникет лязгал безостановочно, штанги его крутились то в одну, то в другую сторону. Сидевшая за перегородкой тетя Лида, конечно же, отличала новичков от старшекурсников, но махнула рукой на дисциплину и только изредка, когда уж чересчур громко звенели бутылки в сумках, прикрикивала:

– В одиннадцать закрываю! Кто не уйдет, останется до утра!

Сергей вышел из лифта на седьмом этаже – просто наугад – и встретил Юрку Лазикова.

– О! – воскликнул тот.

Они пожали руки друг другу и через мгновение оказались в чьей-то комнате, похожей на купе в спальном вагоне. Семеро студентов сидели на кроватях напротив друг друга. В узком проходе стояли табуреты, заставленные стаканами и водкой.

– Заходи, чуваки! Как раз два стакана лишние!

– Как это – лишние?

– Водки всегда не хватает и лишней она не бывает! – раздался бас Гриши Домина, хохмача и рифмоплета.

– Да возьмите стаканы, в конце-то концов! – потребовал сидевший рядом с ним парнишка.

Его руки были заняты газетным свертком, грозившим развалиться в любую секунду. Кто-то взял бутылку и разлил водку. Друзья разобрали стаканы. Сверток выскользнул из рук на освободившееся место. Парнишка расправил вымокшую газету, и ребята увидели щедрую грудку из ломтиков домашнего сала, соленых огурцов и черного хлеба.

– За что пили?

– Много за что!

– За родителей пили?

– За родителей одного раза мало!

– За родителей – стоя!

– Чуваки! За родителей!

Сергей выпил стакан водки, шумно выдохнул, вкусно закусил кусочком черного, бородинского хлеба и по-настоящему почувствовал, что лето кончилось, впереди новый учебный год. Странно думать было и не верилось, что студенческая жизнь может оборваться! Вдруг взять и закончиться! Из-за дурацкого бухгалтерского учета и курсовой!

То и дело кто-то заглядывал в комнату, мелькали друзья и те, кого знал и помнил только в лицо. Кто-то присоединялся, опрокидывал пару стаканов и вновь исчезал. Под кроватями перекачивались пустые бутылки, пили много, по очереди бегали в магазин на улицу Космонавтов, возвращались, преувеличенно твердой походкой проходили мимо тети Лиды, и только предательский турникет цеплялся штангами, в сумках звенела стеклотара и в спины летело:

– В одиннадцать закрываю!

За дверьми послышалась музыка. Кто-то выставил магнитофон, и в лифтовом холле началась дискотека.

– Ну! Еще по одной и пойдем, потанцуем!

Появилась смутно знакомая девчушка, кажется, с финансово-экономического факультета. Она одолела половину стакана, Юрка Лазиков осушил его до дна и увлек гостью в соседнюю комнату.

Сергей вышел в коридор. И здесь напрашивалось сравнение с вагоном дальнего следования: гул, суета, мест в купе не хватает, а провожающие и путешественники напрочь забыли, кто остается, а кому до одиннадцати нужно сойти. Ночь предстояла транзитная: многие назавтра отбывали в Тучково, на «картошку». Только что въехав, побросав вещи и отложив сборы на предстоящее тяжелое утро, студенты бродили из комнаты в комнату, с этажа на этаж, от застолья к танцулькам, от танцулек к застолью, и то сходились в кружки, то разбивались на пары, ищущие утробных, порою утробных весьма условно, уголков, менее стойкие пропадали для общества, провалившись в одинокие, хмельные сны, больше похожие на беспамятства, но всюду царили веселый гомон, ребячество, кураж!

#

Сергей пошел к лифтовому холлу, откуда доносилась композиция Криса де Бурга «The lady in red», и заметил впереди знакомый цвет сушеных на солнце помидоров. Он не удержался, поспешил, опасаясь, что кто-нибудь пригласит ее танцевать. Она стояла, прислонившись к стене спиной. Рядом привалилась к косяку плечом еще одна девушка с вымученным лицом.

– Привет, соседка! – Сергей остановился и смотрел прямо в глаза.

– Ларис, пошли отсюда, – не обратив на него внимания, взмолилась ее подруга.

– Тебя, значит, Ларисой зовут. А меня Сергеем!

– О, господи, – протянула вторая девушка. – Ларис, пойдем! В одиннадцать закрывают...

Девушка с волосами цвета сушеных на солнце помидоров на стенания подружки не реагировала. Она улыбалась и молча смотрела в упор на Сергея, глаза ее блестели так, словно любопытство снедало ее: что дальше?

– Так ты, значит, моя соседка? – спросил Сергей.

– Соседка. Я на Тихвинской улице живу.

– Да? А это где? Я такой улицы даже не знаю...

– Это рядом с Сущевским Валом.

– А-а, вот оно что! – и он подхватил песню Криса де Бурга. – The lady in red, my lady in red, I love you...

– Вроде бы я в белом, – улыbnулась Лариса.

В магнитофоне крутилась кассета, как говорится, со «сборной солянкой», собранной владельцем по своему вкусу. Следующую песню исполнял неизвестный русский певец из числа тех, что воспользовались горбачевскими послаблениями и выскочили за последний год в огромном количестве неизвестно откуда. «Чистые пруды, застенчивые ивы, как девчонки, смолкли у воды,...» – медленно вытягивал голос с легкой, едва уловимой хрипотцой.

– Пойдем танцевать, – предложил Морозов.

Лариса отрицательно покачала головой. Сергей взял ее за грудь. Мячик, податливый и упругий одновременно, ожил в руке, через тонкую рубашечку пыхнуло жаром, накопившимся где-то под жгучим солнцем, под которым помидоры превращаются в деликатес призывно медного цвета. Морозов прильнул к ее губам. Покрытые бронзовым загаром руки обхватили его шею. Целовалась Лариса упоительно сладостно.

– Я вам не мешаю? – устало спросила ее подружка.

– Нет, – сказал Сергей.

Неожиданно Лариса отстранилась и, словно забыв о кавалере, направилась к выходу на лестницу. Ее подруга оглянулась, с досадой вздохнула, но не сдвинулась с места.

– Куда это она? – спросил уязвленный Сергей.

– Чугункина увидела, – пояснила девушка.

Андрей Чугункин с приятелем, привлеченные музыкой, только что появились в холле. Они стояли у лестницы и плотоядными взглядами изучали контингент, решая: остаться ли здесь или двинуться по другим этажам? Заметив Ларису, Андрей сник и что-то пробормотал товарищу.

– А что ей Чугункин? – спросил Морозов.

– Они с мая гуляют. Она все не успокоится. А он бортануть ее решил, если тебе интересно, – поведала девушка, тяжело вздохнула и выругалась. – Твою мать! Эта карга закроет сейчас и придется по решетке со второго этажа вылезать!

– Да чего тебе! Места что ли переночевать не найдешь? Или тебе на «картошку» завтра?

– Пятый курс, мы не едем на «картошку».

– Ну и чего тогда? Или мама с папой ждут? – ехидно спросил Морозов.

– Муж, – в очередной раз вздохнула девушка.

– А-а! Ну, извините.

Вернулась Лариса. В глазах даже намек на обиду не было, словно забыла она о том, с кем гуляла с мая месяца, ровно в ту секунду, как повернулась к нему спиной.

Они целовались, Сергей беззастенчиво мямл ее жаркую плоть, и только подруга ее беспрерывно канючила:

– Ларис, хватит дебелизмом заниматься! Мы идем или нет?!

– Ладно, идем...

#

– Счастье ваше, что я только легла, еще уснуть не успела, – ворчала тетя Лида, гроыхая дверьми.

Они шли пешком, и дорога до метро «ВДНХ», с частыми остановками, с опьяняющими поцелуями заняла целый час, и, кажется, не дошли бы и вовсе, если бы не понукания неприкаянной подруги. Возле станции она кинулась стрелять «двушку» у редких прохожих. Сергей и Лариса все целовались и целовались, не замечая ни людей, выходявших из метро, ни постового, грызшего семечки. Оживившийся милиционер несколько минут присматривался к ним, но, решив, что их опьянение за пределами его компетенции, энергичными хлопками стряхнул с ладоней шелуху и ленивой походкой побрел вокруг станции.

Подруга раздобыла «двушку» и нырнула под козырек телефона-автомата. Разговор ее не заладился. Вернувшись, она с тяжелым вздохом сообщила, что больше никуда не спешит.

– Ну и отлично! – воскликнула Лариса. – Я тебе говорила, что он дурак! Переночуешь у меня, предки еще неделю на даче...

Последние слова воодушевили Сергея, и вдвоем они спустились в метро, с пересадкой на станции «Проспект Мира» добрались до «Новослободской», а оттуда пешком до Тихвинской улицы. Здесь Морозова ждало жестокое разочарование. Лариса с пониманием отнеслась к тому, что в метро он уже не успеет, и пустила его в квартиру. Но с неожиданной решительностью пресекла клубничные поползновения. Девушки вдвоем заняли родительскую спальню с широкой кроватью. Юношу Лариса отправила коротать одинокую ночь в свою, маленькую, комнату, и он стоически смирился, списав финальное фиаско на превратности лунного календаря.

От простыней, от подушки исходили уже ставшие знакомыми интимные запахи. На стене, над постелью, блестели открытки и плакаты, они шелестели от легких дуновений из открытого окна и поутру обещали раскрыть какие-то девичьи секреты.

Пришло бесполезное раскаяние. Ведь мог бы засесть за учебники, ту же курсовую за ночь накатать, пусть не всю, половину хотя бы. В хмельной голове кружились Васильковская с презрительно поджатыми губами, злорадствующий Поддубский, вкрадчивый до тошноты Леонид Павлович и равнодушно улыбчивый Рукавишников.

Вся эта зловещая вереница обещала в ближайшие дни обернуться кошмаром.

Глава 4

Он проспал. Кое-как унял жажду, наглотавшись холодной воды из-под крана, затем постоял у закрытой двери в родительскую спальню – ни звука оттуда не доносилось, девушки еще не проснулись. Он вышел на улицу, просто захлопнув за собою дверь, было уже начало девятого. До Сущевского Вала он дошел за две минуты. Нашел нужный адрес и в недоумении остановился. Табличка с номером «16» размещалась на массивной стене. Он сделал еще несколько шагов и оказался у ворот с надписью «Минаевский рынок».

«Напутал что-то Рукавишников с адресом, – подумал Сергей. – А с другой стороны, и Леонид Павлович говорил о магазине „Овощи-фрукты“ на Сущевском Валу».

Он прошел через ворота и оказался на территории рынка. Вглубь протянулись открытые торговые ряды, бабы в синих рабочих халатах торговали преимущественно картофелем. С левой стороны возвышалось закрытое здание рынка. По правую руку стояли три одноэтажных со стеклянными витринами и одно четырехэтажное кирпичное здание. За стеклом первых трех красовались вывески – «Кафетерий», «Овощи-фрукты» и «Мясо-рыба». Четвертое называлось «Гостиницей».

«Здесь», – догадался Сергей. Но сомнения еще не развеялись. Магазин выглядел безжизненно, изнутри стеклянную витрину закрывала хозяйственная бумага, а на ней огромными, в половину человеческого роста буквами было написано «РЕМОНТ». Сергей перевел взгляд на дверь, в полной уверенности, что увидит завершающий картину амбарный замок. Но такового не оказалось. Морозов поднялся по ступенькам и толкнул дверь.

#

На самом деле никаким Виктором Семеновичем он не был. Его кавказское имя было сложным для русского уха и трудно произносимым для языка. Потому он выбрал себе обиходное имя, отдаленно созвучное настоящему. Так делал и его отец, и старший брат. Только младший, неудачливый и туповатый, не имевший никаких особых достоинств, кроме того, что был их братом, и словно боявшийся, что и этому достоинству будет причинен ущерб, упорно вбивал в головы немногочисленных приятелей имя, данное при рождении, а потом с кулаками кидался на обидчиков, оскорблявших его слух.

Старший брат был начальником объединения, а проще говоря, хозяином базы. Сам он стал директором магазина. Младший брат не умел кулек семечек купить, а в жаркий день не нашел бы покупателя на стакан воды. Отец добыл ему место доцента в юридическом институте и поручил заботе старших братьев.

Сейчас он стоял в центре торгового зала, положив руку на большие, напольные весы.

Две молодые женщины, – Алла с короткими крашеными волосами и Юлия – блондинка с асимметричной прической, – сидели на стульях и смотрели снизу вверх на него, как на диковинку.

У окна, скрестив руки, стоял Саша Ахмадеев, одетый в клетчатую рубашку сорокалетний мужчина, вечно чем-нибудь недовольный. Из каких-то неясных побуждений он постоянно отстаивал свою независимость. Впрочем, он не дерзил. Во время разговора Ахмадеев смотрел не на директора, а в сторону, чем обычно и насыщал свой неутоленный в юности дух противоречия.

За прилавком, навалившись полной грудью на столешницу, расположилась еще одна продавщица. Таня, – так ее звали, – казалось, только что напилась горячего чая из блюдца, надела халат и, спустившись с известной картины Кустодиева, теперь лузгала семечки.

– Вы должны улыбаться покупателю, лелеять его! – говорил Виктор Семенович. – От ваших слов, от улыбки очередь должна превратиться в караван-сарай...

– В сарай! Это точно, – фыркнул Ахмадеев.

Алла и Юля захихикали, прикрыв рты ладошками. Виктор Семенович, не ожидавший от Ахмадеева выпада, вспыхнул, но, переборов гнев, сказал:

– Зачем ты так, Саша? А-а?! Зачем? Ты же старше меня! Я у тебя учиться должен! А ты? Какой сарай? – директор воздел указательный палец. – Караван-сарай! Это не бардак, какой ты себе представляешь, наверное! Караван-сарай – это оазис в пустыне! Это место, где купец может быть спокоен, где верблюдам его приют дадут, за товаром присмотрят. Сам купец отдохнет после долгого пути, сыт будет и под живительной тенью спокойно заключит договора со своими собратьями...

– Семеныч! Но здесь-то какой приют! Верблюдам! – завелся Ахмадеев.

– Послушай, Саша, послушай, а! – повысил голос директор. – А разве покупатель – это тебе не тот же купец? Он деньги заработал, деньги ему нелегко дались! А может, у него мало денег! И он тебе их принес! Так ты должен уважать его! Разве трудно тебе свой столик так поставить, чтобы очередь в тени была? В тени же легче людям! Потом! Ты, что, не можешь людям сказать: потерпите, да, полчаса хватит, всех обслужу?!

– Да зачем это,... – пробурчал Ахмадеев.

– Как – зачем? Затем, что человек два часа перетерпит легче, чем пять минут, если ты сказал ему, сколько ждать придется!

– Да я не про то, – махнул рукою Ахмадеев.

– А про что? – спросил Виктор Семенович.

– Да про то, Семеныч, – с досадой протянул Ахмадеев. – Ну, кому это нужно? Хамло кругом, бисер тут метать!

– Как кому нужно, Саша? Тебе и нужно, – ответил директор. – Чтоб ты домой вечером пришел счастливый, понимаешь? Что ты хорошо все сделал! Чтоб ты в зеркало посмотрел и улыбнулся. Утром чтобы таким хмурым не был. Чтобы девушкам улыбнулся...

Алла и Юля вновь захихикали. Вдруг дверь отворилась, на пороге появился незнакомый юноша, посмотрел на них с удивлением, и они прыснули в кулачки.

#

Сергею не понравилось, как его встретили. Две молоденькие продавщицы беспричинно смеялись над ним и словно оценивали: есть ему восемнадцать лет или мамка еще не все разрешает? Похожая на купчиху тетка взидала на него из-за прилавка сытым взглядом, и этот взгляд остался бы безразличным, случись, кирпич размозжил бы ему голову. Стоявший у окна мрачный мужик в клетчатой рубашке даже не повернул голову в его сторону.

Только мужчина лет тридцати пяти кавказской наружности взглянул на вошедшего с доброжелательным любопытством, хотя своим появлением Морозов прервал его на полуслове. Был он высоким и широкоплечим, одет в джинсы и синюю футболку. Однодневная щетина на его щеках отливала синевой.

Тетка за прилавком грызла семечки. За ее спиной возвышались полки, там в непривычном изобилии теснились овощи и фрукты. Вдоль правой стены стоял десяток синих пластиковых столиков, а под ними примерно столько же настольных весов и наборы гирек. Однако же Сергей почувствовал, что покупателей здесь не ждут.

– Заблудились, молодой человек? – спросил кавказец.

– Я из института...

– Студент, – хмыкнула Купчиха и сплюнула шелуху.

Мужчина в клетчатой рубашке смерил его недовольным взглядом, впрочем, без личной неприязни.

Кавказец шагнул навстречу и протянул Сергею руку.

– Я директор магазина. Виктором Семеновичем меня зовут. Это наш коллектив. Потом познакомитесь. Вам, молодой человек, сюда.

Открытой ладонью он указал на дверь в боковой стене.

– Здравствуйте, – кивнул Сергей всем сразу и прошел в соседний зал.

Здесь он увидел двух студенток с учетно-экономического факультета, одна была прехорошенькой, но обеих знал он только в лицо. Они сидели на колченогих стульях перед хлипким столиком с весами. У прехорошенькой на безымянном пальчике сверкало обручальное колечко.

Худошавая женщина средних лет с черными как воронье крыло волосами, с волосатыми руками, с волосатыми ногами и усами объясняла им премудрости профессии.

– Как звать? – бросила она Морозову.

– Сергей.

– Ваш? – спросила она студенток.

– Да, – кивнули девушки.

Они тоже знали Сергея только в лицо. Но было им неуютно с волосатой женщиной, и новому пришельцу из их мира они обрадовались.

– Ты вовремя, – сказала наставница. – Меня Варварой Антоновной зовут.

– Сергей.

Назвавшись, он встал позади девушек. Они представляться ему не стали, делая вид для волосатой женщины, что знакомы.

– Девчонкам я уже показала, как с весами управляться, – сказала Варвара Антоновна. – Тебе потом покажу. А теперь теория.

Она замолчала и обвела студентов испытующим взглядом. Сергей скрестил руки на груди, на губах его появилась кривая улыбка, во рту было сухо, в голове мутно.

– Значит, вот что, – продолжила Варвара Антоновна. – Вы должны запомнить! Лучше сразу, чтобы потом расхлебывать не пришлось. Так вот, если вы обсчитаете каждого покупателя на три – на пять копеек, ни один из них от этого не обеднеет!

«Ни хрена себе!» – мысленно воскликнул Сергей. Пожалуй, он и присвистнул бы от изумительной теории Варвары Антоновны, если бы не мучительная сухость во рту. У сидевших перед ним девушек запылали щеки, слова наставницы повергли их в смятение, смотреть друг на друга они стеснялись.

– Вот что, девоньки. Я добра вам желаю, – произнесла Варвара Антоновна совершенно искренне. Забыв официальный тон, продолжила привычным для нее языком: – Тут не хрен целок из себя строить! Если лишние деньги руки жгут, можете их в детский дом передать. Потом! Если что-нибудь останется у вас от этих денег! Но знайте, запомните! Будете считать тютелька-в-тютельку, окажетесь в жопе! Из своего кармана доплачивать будете!

Варвара Антоновна выглядела растерянной. Она смотрела на студентов с тревогой, явно опасаясь, что они не поймут ее и не внемлют ее поучениям. По ее неподдельному смущению Сергей понял, что она и впрямь печется о них, и стремится предостеречь от неприятностей, а не вовлечь в уголовщину.

Но шокированные студентки вряд ли разглядели за внешней грубостью какую-либо заботу.

– Это еще почему? – возмутилась прехорошенькая.

– По кочану! – ответила Варвара Антоновна. – Дадут тебе товара на шестьдесят рублей, а ты тютелька-в-тютельку взвешивать будешь, и получится у тебя в конце не шестьдесят рублей, а пятьдесят! А то и сорок! Вот и побежишь к маме с папой, чтобы недостачу закрыть.

Смущенные девушки смотрели на Варвару Антоновну с недоверием.

– Но почему же получится пятьдесят, если товара было на шестьдесят? – не сдавалась прехорошенькая.

– Почему?! По кочану! Торговля так устроена. Не хочешь оказаться в заднице – обсчитывай покупателей! Лучше сделай семьдесят рублей, червонец в карман себе положишь!

– Но я так и не поняла...

– Чего тут понимать! – махнула рукой Варвара Антоновна. – Увидите еще! Сегодня вы самостоятельно торговать не будете. Ты вот, – она кивнула прехорошенькой девушке, – с Танькой пойдешь. А ты с Алкой. А там посмотрим. Если схватите все, завтра попробуете сами...

Дверь отворилась, на пороге появился Виктор Семенович.

– Ну, как тут дела? – спросил он.

– Да, нормально! – ответила Варвара Антоновна. – Девки смышленные! Сработаемся!

– Девки? Варя! Что у тебя за язык?! – фыркнул директор.

– Да, ладно, Семеныч! Мы тут по-свойски сошлись! – заверила его Варвара Антоновна.

Виктор Семенович обвел недоверчивым взглядом студентов и сказал:

– Варя! Нормально говори, чтоб стыдно мне за тебя не было.

– Ой, ладно! – воскликнула женщина и, помахав рукой, с издевкой добавила. – Мы тут без этих ваших!..

– Что за народ, – вздохнул директор и сказал: – А вот молодого человека я у вас заберу.

Он подмигнул Сергею и жестом позвал за собою. Утомившийся стоять на одном месте, Морозов бросил на девушек извиняющийся взгляд и последовал за директором.

Купчиха по-прежнему лузгала семечки. Мужчина в клетчатой рубашке наблюдал через просвет между листами хозяйственной бумаги за рыночными торговками. Одна из молоденьких продавщиц что-то записывала в школьную, зеленую тетрадку. Вторая, крашенная, с обильной косметикой на лице, смотрела на него несколько странно, словно ждала чего-то. У Сергея мелькнуло чувство, что где-то они виделись уже.

– Как вас зовут, молодой человек? – спросил директор.

– Сергей.

– Слушай, Сережа, – кавказец перешел на «ты». – У меня к тебе просьба будет. Дело, выгодное для тебя. Смотри, вы все будете оформлены младшими продавцами. Оклад – сто два рубля. Премия я имею право выплачивать до пятидесяти процентов от оклада. Тебе я выплачу все пятьдесят процентов. Ты получишь сто пятьдесят три рубля за этот месяц. Но я тебя попрошу. Ты будешь только числиться продавцом, а работать грузчиком. Понимаешь, грузчик у меня один. Поможешь ему. Согласен?

Сергей вспомнил стыдливый румянец на щеках студенток, оставшихся с Варварой Антоновной, и почувствовал себя отступником. Но пришло и облегчение оттого, что не придется познавать на практике, как у честного человека из товара на шестьдесят рублей денег непременно получается на десять, а то и двадцать рублей меньше.

– Согласен! Конечно, какой разговор! – ответил он.

– Вот хорошо! – обрадовался Виктор Семенович. – Иди сюда.

Директор повернул влево, в коридор, ведущий вглубь магазина. Сергей направился за ним, и тут женский голос окликнул его:

– Морозов!

Он обернулся. Крашенная смотрела в упор на него. Вновь мелькнуло, что где-то он видел ее, но уверен был, что, если они и были знакомы, то шапочно, и уж точно у нее не было оснований возмущаться всерьез из-за того, что он не узнал ее.

– Да? – выдал он.

– Ты, че, не узнаешь что ли?!

Мрачный мужик в клетчатой рубашке оторвался от пейзажа за окном и наблюдал за ними.

Морозов покачал головой и пожал плечами.

– Не-е, ну, даешь! – воскликнула продавщица, но так и не дала ему никаких подсказок.

Он еще раз пожал плечами, уловил странный взгляд мужика в клетчатой рубашке и отвернулся. Директор улыбался, довольный тем, что новый сотрудник встретил здесь знакомого человека.

#

По коридору, освещенному слабой лампочкой, они прошли в заднюю часть магазина. Там находились небольшая каптерка и складское помещение. Проход заканчивался черным выходом с пандусом. Виктор Семенович отворил дверь в комнатушку и сказал:

– Саша, вот помощника тебе привел!

Половину похожего на вагончик помещения занимала тележка. Свет падал через квадратное окно. На пыльном подоконнике лежала большая, похожая на художественный альбом, книга. В дальнем, скрытом полумраком углу под развешанными на стене халатами, старыми пальто и телогрейками сидел мужик. Сергей почувствовал придиричивый, изучающий взгляд.

– Посмотрим, какой из него помощник, – слышалось из угла.

– Хороший помощник, – заверил Виктор Семенович.

Стоять в дверном проеме было неуютно. Морозов не мог разглядеть мужика, но чувствовал его тяжелый взгляд. Юноша посмотрел в окно, прочитал название книги. Это оказался «Атлас пород коров».

Полумрак, запах затхлости, еще и нелепая книга, – от всего этого хотелось отвернуться, выйти на воздух. Сергей шагнул в сторону, но голос из каптерки задержал его:

– Ты в этом работать будешь?

– Ну-у,... – Сергей заглянул обратно в каптерку.

Темный угол зашевелился. Не поднимаясь со стула, мужик сдернул халат. С сухим треском оборвалась вешалка. Мужик, ничуть не смутившись, бросил халат Сергею.

– На вот...

– Ну, давайте, ребята, за работу, – сказал директор и отправился в зал.

Темный угол заворочался, и оттуда выкатился грязный, с прилипшими к борту ошметками красной глины тягач, – именно таким показался Сергею явившийся на свет мужик. Он двинул вперед тележку. Сергей посторонился. Мужик вытолкнул тележку через порожек и покотил по коридору. На ходу натягивая халат, Морозов поспешил за ним.

Барбара Антоновна и студентки находились вместе со всеми в общем зале. Девушки увидели Сергея в синем халате, и в их глазах промелькнула некоторая ревность, словно они завидовали тому, что он успел здесь освоиться, а они нет.

Молоденькие продавщицы перешептывались и хихикали. На губах блондинки блуждала усмешка – что-то такое подружка рассказала ей о Морозове. Но что она могла рассказать?! Почему всем своим видом теперь обещала что-то такое припомнить ему?!

– Санька, грузи помидоры! – приказала Купчиха.

Она указала на ящики, стоявшие за прилавком.

– Грузинам скажи, чтоб грузили! – буркнул грузчик.

Двигался он медленно, с основательностью тягача. Разжимал руки – они превращались в лопаты, сжимал – оборачивались кувалдами. Щеки висели тяжелыми, глиняными пластами, казалось, вот сейчас они отвалятся, и откроют подлинное лицо.

– Давай-давай! – прикрикнула Купчиха.

– Иди сюда, – сказал грузчик Сергею. – Дверь держи.

Сергей отворил дверь на улицу. Тягач спустил тележку по ступенькам и буркнул:

– Смотри, чтоб не сперли.

Сам он вернулся в магазин. Сергей остался стоять в открытых дверях, наблюдая одновременно и за тележкой, и за происходившем внутри зала. Тягач перетаскивал ящики с помидорами из-за прилавка на весы, стоявшие в центре помещения.

– Слушай, присмотри за тележкой, – попросил Сергей незамужнюю студентку.

Уступив ей место на пороге, он принялся вместе с грузчиком перетаскивать помидоры. Когда на напольных весах получилась колонна из пяти ящиков, Варвара Антоновна остановила их:

– Ну все! Харе! Остальные Алке оставьте.

Виктор Семенович подвигал противовесы и сказал:

– Таня, смотри, сто килограмм, ровно.

– Я вам верю, – с ленивым зевком протянула Купчиха.

Крашенная продавщица не спеша подошла к Сергею и, толкнув его бедром, спросила:

– Ну?! Так и не узнаешь?

– Нет, – признался он.

Она покачала головой с сожалением, словно он потерял последний шанс для реабилитации, и отошла в сторону. Сергей растерялся. Биография его была не настолько богатой, чтобы он забыл девушку, имевшую причину напоминать о себе игривым образом. Однако эта девица пробуждала лишь слабое подозрение, что где-то он видел ее и только.

Варвара Антоновна пихнула под локоть прехорошенькую студентку:

– Что стоишь? Смотри, учись! Завтра сама все делать будешь.

Девушка прошла вперед, осмотрела весы, но было видно, что сути происходящего она не улавливает, а только подчиняется Варваре Антоновне.

– Вот видишь, сто килограмм, – сказал ей директор.

– Угу, – кивнула студентка.

– Так, давай на тележку, – скомандовал директор.

Сергей и грузчик перетаскали помидоры на улицу. Морозов изловчился так, что перенес три ящика, оставив напарнику меньшую долю.

Вокруг тележки образовалась толпа. В глазах людей светилась надежда, что всем достанутся сочные, красные помидоры.

– А куда повезете? – спросил какой-то мужчина.

– В Лианозово, – с издевкой ответил Тягач.

– Нет, ну, серьезно, – умоляюще протянул мужчина. – Далеко повезете?

– Далеко на такой тележке не уедешь, – оборвал грузчик.

– Молодой человек, подскажите, где торговать будете? – заискивающе обратился мужчина к Сергею.

Тот пожал плечами. Мужчина с обидой отвернулся и, ухватившись за рукоять тележки, объявил:

– Я первым очередь занял.

– Я за вами, – какая-то женщина пристроилась за его спиной.

– Я за вами! Я за вами! Кто последний? За мной будете! – поднялся гомон в толпе.

– Купчиха, – буркнул грузчик упитанной продавщице, подтвердив, что соответствующее сходство Сергей подметил точно, – куда везти-то тебя?

– Давай на угол Тихвинской, – ответила та и прикрикнула. – Весы мои возьми!

– Сама дотащишь! – огрызнулся грузчик и позвал Сергея. – Идем.

– Давайте я возьму, – сказал Сергей.

– Вот эти бери, – Купчиха носком туфли указала на весы.

Сергей поднял их и отправился догонять грузчика. Тот водрузил сверху на ящики синий пластиковый столик, вывез тележку за ворота рынка и свернул налево к Тихвинской улице. Живая очередь, увеличиваясь на ходу, двигалась следом.

– Мне с нею работать, – услышал Сергей девичий голос.

Прехорошенькая студентка догнала его и, немного запыхавшись, шла рядом.

– Меня Сергеем зовут, – сказал он.

– А меня Леной, – ответила она.

– А подругу как? – спросил Сергей.

– Ирка. Она вообще в шоке.

– Да эта Варвара Антоновна ничего, – ободрил он Лену. – Выраженьица у нее, конечно!

– Ирка в шоке, – повторила Лена.

– Не думаю, что на «картошке» ей было бы лучше, – сказал Сергей.

– Там хоть за деньги не отвечать, – ответила Лена.

Они дошли до угла Тихвинской и Сущевского Вала. Грузчик поставил столик, и они выстроили сбоку колонну из ящиков с помидорами.

– Пока Танька не подойдет, смотри, чтоб помидоры не лапали, – сказал Тягач.

Он пошел обратно. Сергей даже весы не успел поставить, покупатели кинулись к ящикам, едва не опрокинув столик.

– Подождите, подождите, пожалуйста, – просила Лена.

Она отталкивала руки, со всех сторон проникавшие в ящик.

– Я вот только себе, только себе, – приговаривал первый мужчина, загружая помидоры в цветастую сумку.

Другие покупатели старались оттеснить его. Лену оттолкнули в сторону. Сергей, прижимая весы к груди, тщетно пытался протиснуться к ящикам.

– Больше двух кило в одни руки не давайте! Больше двух не давай! – доносилось из очереди.

– Руки убрали! – раздался уверенный женский голос.

Толпа присмирела. Подоспевшая Купчиха оттеснила людей и, отобрав у мужика, цветастую сумку, высыпала помидоры в ящик.

– Студент, весы давай, – скомандовала она. – И ступай! Без тебя справимся.

Он поставил весы на столик и, отступив на два шага, наблюдал за Купчихой. Он чувствовал себя лишним здесь, но не двигался с места. Подспудно хотелось показать этой торгашке, что она не вправе помыкать им, и убедить самого себя, что характером он сильнее ее.

Лена взглянула на него с сожалением. Ей предстояло остаться здесь с этой рыночной бабой, отчего на душе студентки становилось тоскливо. Но еще страшнее было оказаться одной наедине с быдлом, в которое превращались обычные люди, стоило показать им помидоры по семьдесят копеек за килограмм.

Таня быстро настроила весы и наполнила пластиковую миску помидорами. Сергей подмигнул Лене, она коснулась его локтя и шепнула:

– Заглядывай, ладно...

– Это вы мне кладете? – раздался мужской голос. – Что же вы битые мне кладете?!

– Так ты же и побил их! – возразила продавщица.

Сергей отправился обратно. За спиной продолжалась перепалка.

– Я хорошие себе отбирал...

– Ты тут все помидоры перемял! Я тебя вообще в милицию сейчас сдам!

– Гражданин! Ну что вы там?! Очередь задерживаете! Берите или идите себе! – зашумела толпа.

Сергей догнал грузчика у входа на рынок.

– Весело! – воскликнул он, когда тот оглянулся на него. – А вас, значит, дядей Сашей зовут?

– Слышь! Ты не выделяйся! – Тягач со злостью обматерил его. – Не люблю я этого!

Глава 5

Теперь просьбу грузчика сторожить тележку он проигнорировал. Надо тебе – сам и сто- рожи. Он молча перетаскивал оставшиеся ящики с помидорами на весы. Директор колдовал с противовесами, продавщица с крашеными волосами записывала что-то в тетрадь, а Варвара Антоновна поясняла их действия испуганной Ирине.

Тягач словно не замечал напарника. Сергея охватила досада. Он злился на продавщицу Таню за ее сытый, равнодушный взгляд, злился на грузчика, неизвестно за что взъевшегося на Сергея, злился на мужика в клетчатой рубашке с невеселой физиономией, злился на игри- вую продавщицу, злился на неуместно опрятного и неожиданно тактичного директора мага- зина. Злился на себя за то, что терзается, потому что не придумал, как отвертеться от поруче- ния Леонида Павловича, хотя хамье и ворье, окопавшееся в этом магазине, вполне заслужило, чтобы «народный контроль» занялся ими вплотную. Ощущение тайной власти, данной Леони- дом Павловичем над судьбами этих людей, странным образом доставляло гадкое удовольствие и повергало в уныние одновременно.

Голова раскалывалась, мучили жажда и голод, но желудок вывернулся бы наизнанку, если бы он попытался хоть что-нибудь проглотить.

После взвешивания перетаскивали помидоры на тележку. Повторилась давешняя сцена.

– Ребята, куда помидоры повезете? – спросил кто-то.

– В Лианозово, – ответил Тягач.

– Ну, серьезно! Далеко повезете?

– Далеко на такой тележке не уедешь!

Последний ящик достался грузчику. Сергей поднял весы, на которые указала продав- щница, и сказал:

– Дядя Саша, давайте сверху поставим.

– Тьфу ты! – огрызнулся Тягач и вновь обматерил юношу.

Грузчик покатил тележку. Продавщица одарила Сергея насмешливым взглядом, хихик- нула и потащила за собою Иру. Они засеменили следом за тележкой. Морозов остался стоять с весами в руках, едва сдерживаясь, чтобы не грохнуть их об асфальт.

– Сережа, – окликнули его.

Мужик в клетчатой рубахе лузгал семечки, стоя в дверях. Голос его звучал благожела- тельно.

– Ты свои интеллигентские привычки для института оставь, – продолжил он. – Тут «на вы» обращаются только к директору или к Валентинычу. Девки-то просто засмеют, а груз- чики – те и в драку полезут.

Сергей заметил, что глаза у собеседника были добрые и светились мудростью. Но линия рта придавала лицу выражение несчастливое.

– А-а... – протянул Морозов, не зная, как обратиться: хотелось сказать «вы», но человек только что предостерег от излишней вежливости.

– И ко мне «на ты» обращайся, – пришел собеседник на помощь. – Меня, кстати, тоже Сашей зовут. Но все меня Ахмадеем тут зовут, из-за фамилии. Ну, и чтоб с тезкой не путать, – он кивнул вслед Тягачу.

– А-а, спасибо! – Сергей зашагал вдогонку за девушками.

Продавщица оглянулась на него с усмешкой и промолвила:

– Вот, значит, какой ты теперь, – и словно сжалившись, дала еще один шанс: – Неужели не помнишь, а?

– Слушай, хорош в «кошки-мышки» играть! – оборвал он ее.

И тогда она припомнила ему, отомстила.

– Не-е, Сережка, ну ты совсем охренел, Тутанхамон, блин!
– Алла?! Ты?! – выдал он с изумлением.

#

Ему было тринадцать, и однажды он влюбился в Аллочку Зотову. Она что-то писала мелом на классной доске под диктовку учителя и была такую трогательной, такой беззащитной, а он смотрел на нее, и вдруг нахлынули чувства столь сильные, что сразу сделалось ясно: вот она его судьба, любовь на всю жизнь, до гроба. Конечно, еще неделю назад точно так же он думал, когда смотрел на Катю Тимофееву. До Кати была Эльвира из седьмого «Б» класса. Но те влюбленности ни в какое сравнение не шли с водоворотом, захлестнувшим его сейчас, когда Аллочка Зотова прятала виноватые глаза от разгневанного математика.

Наконец, Борис Иванович отпустил ее, и она, ни на кого не глядя, но походкой твердой, независимой прошла на свое место. На душе Сережи Морозова сделалось покойно и ясно. Теперь он знал, что жизнь его определилась, нашла свое русло. Пусть сидевшая непосредственно за ним девочка еще ни о чем таком не догадывалась – тем полнее, полноводнее были его чувства: он знал за двоих, чувствовал за двоих, и не сомневался, что осталось только признаться Аллочке, и ей откроется бескрайняя любовь, а еще удивление оттого, что как-то жила она все это время, сидела за третьей партой, видела коротко стриженный затылок Сережки Морозова, а не понимала, что он-то и есть ее любовь, судьба до гроба.

После уроков он увязался за Аллочкой и долговязой Ленкой Лисицыной. Обе они жили на улице Наметкина, но учились в их школе на улице Гарибальди. Бог весть, почему родители не определили их в 19-ую школу? Верно, и в этом угадывался перст судьбы, а иначе – они б не встретились. Хулиганы с Наметкина держали в страхе всю округу, и без нужды никто из подростков на эту, соседнюю, улицу не заглядывал.

Он шел следом за девочками по узенькой тропке через пустырь, раскинувшийся от метро «Новые Черемушки» до улицы Наметкина, и не знал, как ему быть. Пока сидел на уроке, все казалось так просто: подойти и сказать Зотовой, как он ее любит, – только б звонка дожждаться, не лопнуть от нетерпения. Но теперь они шли гуськом друг за дружкой – Аллочка впереди, а он замыкающим, – и совершенно непонятно было, как это вдруг ни с того, ни с сего в любви признаваться?! А тут еще эта дылда, Лисицына! Как с нею быть, куда ее деть?!

Время уходило, и он сгорал от стыда, думая о том, что и Аллочка, и Лисицына уже догадались о том, что он влюбился, и посмеиваются про себя над его робостью.

Линия пятиэтажек улицы Наметкина приближалась. Вылазка во вражеский тыл не входила в планы Морозова. Он хотел объясниться с Аллочкой и договориться о встрече на нейтральной полосе – у метро или у киоска с медовыми коврижками, – словом, на территории, не считавшейся исключительно территорией «наметкинских».

На середине пустыря Аллочка сама обернулась и сказала:

– Дальше не надо идти.

Он не стал спорить, повернул в обратную сторону, испугавшись не столько встречи с местной шпаной, сколько неминуемого позора от того, что проводил бы ее до подъезда, а признаться так и не решился бы.

Обратно он плелся, перебирая десятки упущенных возможностей поведать ей о сокровенном. Но тут же воображение подсказало десяток ситуаций на завтра, удобных для признания, и вновь объяснение в любви показалось делом простым и ясным.

Он пришел домой, а сидеть сложа руки не было сил. Тогда Сережа вырвал лист бумаги в клетку и написал: «Тупые люди! Вы так и не догадались, что я влюбился!» Немного подумав, он открыл скобки после слова «влюбился» и в скобках добавил:» (в Зотову)».

Наутро пришел в класс, Аллочка и Лена уже сидели за своею, третьей, партой. Он взглянул на Зотову со значением, как человек, владевший тайным знанием, до которого ей еще

предстояло подняться, а заветную записку передал Лисицыной, назначив ее поверенной в их романе, – нужно же было что-то с этой дылдой делать, раз уж были они неразлучны.

#

Алла не хамила покупателям, как Таня. Она изначально не позволила людям самим хватать помидоры, и утихомиривать очередь не пришлось. Ира прятала глаза от Сергея, словно он провинился тем, что быстро освоился, а теперь еще и знакомую встретил.

Грузчик по-прежнему игнорировал напарника. Сергей не спешил исправлять положение. Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что человеку, годящемуся ему в отцы, нужно говорить «ты». Они молча вернулись к магазину. У входа дымил папиросой мужик в синей тельняшке с огромным пузом.

– Ну что! Прикурить дай! – крикнул ему Тягач.

Тот протянул пачку «Казбека».

– Поприличнее, что, нет ни хрена?! – с наигранным возмущением произнес грузчик.

Он вытащил две папиросы, одну заложил за ухо, другую прикурил.

– А это кто? – пузатый кивнул на Морозова.

– Да так... Помощничка дали, – не глядя на Сергея, процедил сквозь зубы Тягач.

Пузатый мужик протянул студенту пачку «Казбека»:

– Будешь?

– Спасибо, я не курю, – ответил Морозов.

– И не пьешь? – с издевкой спросил пузатый мужик в тельняшке.

– Выпить могу, – ответил Сергей.

– Слушай, иди ты! – огрызнулся на него грузчик. – Без тебя тошно...

Сергей пожал плечами и ушел внутрь магазина.

Но лед между ними треснул неожиданным образом. Приехал грузовик с базы. ГАЗ-51 остановился в двух метрах от черного входа. Из кабины выскочил разухабистый мужичок и распахнул дверцы синего фургона.

– Опа! – восторженно закричал Тягач.

Он оглянулся на Сергея со счастливо-ослабленной физиономией и воскликнул:

– Ну, студент! Фартовый ты парень! Удачу принес!

Водитель запрыгнул назад в кабину. Машина начала сдавать назад.

– Стой! – закричал грузчик, когда открытый фургон подъехал вплотную к пандусу.

Внутри аккуратными колоннами возвышались картонные коробки.

– Бананы, Серый, бананы! – радовался Тягач.

– Бананы, – сдержанно повторил Сергей.

Неожиданно грузчик ухватился за створку фургона, повиснув на ней, протиснулся между ней и стеной магазина и заорал во всю плотку:

– Эй, Марго! Марго! Ты смотри, на аборт не уходи сегодня! Бананы у нас!

Он пробрался обратно, поднял сразу три коробки и понес их в торговый зал, бросив на ходу:

– Бананы, Серый, это самый лучший товар!

Сергей подхватил три коробки, – в каждой было по десять килограмм, – и пошел с грузом вглубь магазина.

– Снизу поддерживай! Картон все же, – посоветовал шедший навстречу Тягач.

– Ставь на весы сразу, – сказал директор.

Товар принимала Юля. Двенадцать коробок с напольных весов перенесли на тележку. Сверху водрузили и пластиковый столик, и весы – дядя Саша уже не протестовал. Он потащил тележку, оглашая веселым басом рынок:

– Куда-куда! В Лианозово!

Морозов принялся в одиночку выносить из фургона оставшиеся коробки с бананами. Следующие двенадцать коробок принял Ахмадеев. Пока дожидались Тягача с тележкой, Сергей продолжал разгружать машину, выставляя коробки с бананами на полу. Несколько раз он ловил на себе несколько странный взгляд Виктора Семеновича. Тот будто удивлялся тому, что студент работает, и прикидывал, насколько у молодого человека хватит запала.

Грузовик освободился. Разухабистый водитель забежал в кабинет директора, сделал положенные отметки в документах и, помахав бумагами на прощание, умчался.

Вернулся грузчик. На свою точку отправился Ахмадеев. Следующую партию бананов приняла Варвара Антоновна. Сергей хотел отправиться с ней на точку. Но Виктор Семенович попросил его расставить аккуратнее коробки в торговом зале.

В магазине появилась незнакомая женщина с бесцветными глазами и кривой ниточкой рта. Сергей поздоровался, но она не ответила, а посмотрела на него так, словно ей казалось странным, что с нею здороваются.

– Нина Ефимовна, проходи, – сказал ей директор, и они скрылись в кабинете.

Сергей зашел в туалет, пустил холодную воду и сделал несколько жадных глотков. Подумал: «Не провести ли Лену?» Припомнил сытые, ничего не выражавшие глаза Купчихи и решил отложить ухаживания до более благоприятного момента. Он вышел на улицу и заметил дядю Сашу, возвращавшегося с пустой тележкой. Вытянув шею, тот высматривал кого-то поверх голов.

– Вот она, – удовлетворенно вымолвил он.

Сергей увидел старуху, двигавшуюся вдоль торговых рядов с сумкой на колесиках.

– Ты, что ж, мать, смерти моей хочешь?! – заорал Тягач.

– Иду я, иду, – проворчала она.

– Идет она! Из Лианозова, что ли, путь держишь? – возмущался дядя Саша.

Не глядя на Сергея, он передал ему тележку и буркнул:

– Загони ее в зал и возвращайся.

Сергей втащил тележку в помещение магазина, оставил возле прилавка и вернулся на улицу.

Дядя Саша и Пузатый Тельник нетерпеливо дожидались, пока старуха раскроет сумку. Она вытащила бутылку водки и стакан. Первым выпил Тельник. Старуха наполнила стакан второй раз, дядя Саша одним духом осушил его, глаза его оживились, а багровая физиономия приобрела благодное выражение.

– Будешь? – спросил Пузатый Тельник Сергея.

– Прямо здесь? – Морозов с опаской огляделся по сторонам.

– Давай, мать, наливай! – поторопил старуху дядя Саша. – Я заплачу.

Та наполнила стакан и протянула Сергею. Голова его гудела, желудок ныл. Морозов боялся, что его вывернет, едва он пригубит. Тягач, старуха и Пузатый Тельник ждали. Он взял стакан и поднес к губам. Водка обожгла горло и превратилась в живительную воду. Он выпил до дна и с радостным облегчением выдохнул:

– У-ух!

– Три рубля, – объявила старуха.

– Чего? – изумился Морозов.

– Я заплачу, отдашь потом, – сказал дядя Саша.

Он вытащил из кармана замусоленную «трешку» и протянул старухе.

– Ну, заказывать будете? – спросила она.

– Баба Зина, ты таких вопросов не задавай, – ответил дядя Саша.

– Нам как обычно, – поддакнул Пузатый Тельник.

Они пошарили по карманам, и каждый выдал старухе по десять рублей.

– А ты что? – спросила баба Зина Морозова.

– Что я? – переспросил он.

– Новенький он у нас, – пояснил Тягач.

– Да я ж не слепая! А что, новенький не человек что ли? – сварливо ответила старуха и, обращаясь к Сергею, продолжила. – Тебе водка нужна? Я в «Восход» к двенадцати иду.

– Да у меня денег нет, – ответил Морозов.

– Э-э-э! – с досадой протянул дядя Саша. – Сколько тебе взять? Одну, две?

– Одну, – неуверенно сказал Сергей.

Дядя Саша вытащил из кармана еще «пятерку», протянул бабе Зине, а Морозову сказал:

– Потом отдашь.

Старуха спрятала деньги под кофту и направилась в павильон.

– Пойду, а то люди ждут, мучаются.

– Идем, мать, компанию им составлю, а то, что ж они, одни что ли будут, – повеселевший дядя Саша ушел с бабой Зиной.

Сергей вернулся внутрь помещения. Он взял пару яблок со стеллажа, вымыл их в туалете и вышел к черному входу. Там он подложил картон и уселся на пандусе, свесив вниз ноги. Голова больше не гудела, а желудок подвывал от голода, но уже не грозился вывернуться.

Правда, настроение омрачала история с деньгами. Сергей решил, что от бутылки водки он попросту откажется, извинится перед дядей Сашей и пусть он себе ее заберет или еще кому-нибудь отдаст, кто готов заплатить «пятерку», чтобы самому в очереди не умирать. Но нужно было еще вернуть Тягачу три рубля за стакан, а в карманах у Сергея даже гривенника не было.

Он размышлял о старой спекулянтке. Выходило, что та занимала в двенадцать часов очередь за водкой в гастрономе «Восход», что на Бутырской улице, в два часа дня, когда по новым, «горбачевским», правилам начиналась торговля спиртным, баба Зина закупалась по предварительно собранным заказам, а потом раздавала водку, но не по «три шестьдесят две», как она стоила, а по «пятерке». Ушлая старуха имела по «рублю тридцать восемь» с каждой бутылки и еще оставляла при себе резервы, а на следующее утро вновь собирала заказы, попутно отпуская на «опохмелку» по три рубля за стакан.

Но еще больше, чем старуха, удивил Сергея дядя Саша. «Три рубля за стакан на „опохмелку“, – принялся подсчитывать Морозов, – три рубля за меня, червонец на водку для себя, пятерку на бутылку мне! Да и сейчас пошел кому-то компанию составить, так не бесплатно же баба Зина поить его будет!»

Сергей прикинул, сколько тратит Тягач на водку в месяц, и голова пошла кругом от вычислений. Сколько же тогда директор тут ворует, задался он вопросом?! Вот тебе и полдень, двадцать второй век! Построишь с такими коммунизм!

Поневолe проникся он уважением к Леониду Павловичу. Все же нужное дело тот делал, хотя и крайне неприятное. Однако же понял Сергей и то, что язык у него не повернется доносить на этих людей.

Он подумал о том, что впредь не должен позволять Тягачу платить за него. А для начала нужно было как-то добыть эту проклятую «трешку», чтобы избавиться от долга.

Глава 6

Задняя часть магазина выходила в Минаевский тупик, протянувшийся от Сущевского Вала и упиравшийся в забор какого-то учреждения, отделявший тупик от Минаевского проезда. Улочка была грязной. Всюду валялся мусор, – в основном, обрывки газет, картона и какие-то деревяшки. Тупик оставлял впечатление унылости и даже безлюдности, несмотря на очередь у входа в пункт приема макулатуры в глубине тупичка, наискосок от магазина.

А слева зиял пустотой точно такой же черный выход магазина «Мясо-Рыба».

Люди затравленно озирались. Счастливики, сдавшие макулатуру, спешили прочь. Некий молодой человек, словно не замечая неприветливого окружения, прогуливался с собакой неизвестной породы. Пес был крупным, с гладкой палевой шерстью, с длинным хвостом и обвислыми ушами. У молодого человека взгляд был печальным, на лице застыла наигранная улыбка, а с собакой он держался с театральной обходительностью. Если пес норовил попробовать на вкус какую-нибудь находку, парень отвлекал собаку, сюсюкаясь с нею как с ребенком; если пес справлял нужду, парень с умильной улыбочкой терпеливо ждал. Прогулка походила на спектакль, словно молодой человек демонстрировал неизвестному соглядатаю, как он любит эту собаку и как трогательно о ней заботится.

– Эй! Это что у тебя за порода? – крикнул ему Сергей.

Молодой человек обернулся, посмотрел на Морозова с возмущением и, ничего не ответив, пересек газон и скрылся за углом дома, выходявшего подъездами на другую сторону, на Тихвинскую улицу.

Послышались звуки клаксона. С Сущевского Вала в тупик свернул грузовик с фургонном. Машина подкатила ближе, развернулась и сдала задом к магазину «Мясо-Рыба». Водитель выбрался из кабины, с разбегу запрыгнул на пандус. Спустя полминуты он вернулся вместе с Пузатым Тельником. Толстяк остался на пандусе, а водитель залез в кабину и сдал назад.

Вплотную подъехать к зданию машина не могла, мешал бетонный выступ, прикрывавший, вероятно, какую-нибудь трубу. Тельник вытащил из подсобки сколоченные доски, перекинул мостик и перебрался по нему в фургон.

Сергей прошел внутрь помещения. В первом зале никого не было. В соседнем зале за столом, заваленным бухгалтерскими бланками, сидела Нина Ефимовна.

– Я в «Мясо-Рыба» пойду, – сказал он ей.

Она взглянула на него безразлично и ничего не ответила.

#

В магазине «Мясо-Рыба», проигнорировав удивленные взгляды продавцов, он прошел за прилавком и через подсобные помещения к черному выходу. Пузатый Тельник нес навстречу ящик с рыбой. Не спрашивая позволения, Сергей принялся разгружать фургон. Они по очереди ходили взад-вперед по деревянному мостику. Тельник молчал, но на Сергея поглядывал с уважением.

В какой-то момент на пандус магазина «Овощи-Фрукты» вышел Виктор Семенович. Он удивился, увидав Сергея, а когда за очередным ящиком с рыбой вышел мужик в тельняшке, крикнул тому:

– Яша! Что это за дела?! Ты зачем парня припахал?!

– Честное слово, Семеныч, он сам! – ответил Пузатый Тельник.

– Как сам?! – возмутился Виктор Семенович.

– Да я слово ему не сказал...

– Знаю я вас!

– Виктор Семенович, да я просто помочь решил. Пока вроде у нас делать нечего, – вступился Сергей.

– Нечего! Так отдыхай! Весь день еще впереди!

– Да я не устал.

– Ну-ну, – буркнул директор.

Он ушел, а Сергей с Яковым продолжили работу. Когда пустая машина уехала, Морозов вновь уселся, свесив ноги, на пандусе своего магазина.

Через минуту незнакомый голос окликнул юношу:

– Э-э, как тебя там?

В проеме соседнего магазина стоял мужчина в белой рубашке, а рядом с ним пузатый Яков.

– Сергей.

– Что ж бегать за тобой надо! Иди сюда, – сказал незнакомец.

Сергей подошел, мужчина в белой рубашке протянул ему руку. Сергей подал свою, думал: для рукопожатия.

– Спасибо, помог, – незнакомец вложил в руку Морозову купюру.

Удивленный Сергей не успел ответить, а тот уже исчез в глубине магазина. Юноша держал в руках три рубля.

– Неудобно как-то, – промолвил он, глядя снизу вверх на Якова.

– Дурак что ли?! – воскликнул тот.

По выражению его лица Сергей понял, что отказаться от этих денег будет куда большим преступлением, чем сказать грузчику «вы».

Потом приехала машина в магазин «Овощи-Фрукты». Появился дядя Саша. Был он в приподнятом настроении, явно успел составить компанию далеко не одному бедолаге. Машину они разгружали вдвоем, теперь это были яблоки, им помогал сосед, а потом вышел Виктор Семенович и выдал Якову три рубля.

Сергей понял: так заведено, свободные грузчики помогают друг другу, а директора магазинов стимулируют благородные порывы ощутимыми вознаграждениями. Но было ему стыдно оттого, что взял эти деньги. Он презирал нетрудовые доходы. «Трешка», по разумению юноши, безусловно была нечестной. Сто два рубля – оклад, плюс премия – пятьдесят процентов, – это деньги, которые он намеревался заработать.

Но как быть? Что делать, когда к соседнему магазину подъедет новая машина? Он не станет безучастно наблюдать, как Яша таскает ящики. Но и отказаться от денег будет потом никак невозможно, местные товарищи не простят.

Решение пришло простое – вспомнил совет Варвары Антоновны и сказал себе, что отдаст нетрудовые деньги на благотворительность, передаст зоопарку, скажем, или какому-нибудь детскому дому. Но сперва погасит долг за угощение бабы Зины.

Сергей вытащил «трешку», но Тягач отмахнулся:

– Вечером отдашь, а то ж опять без денег останешься, – и, взглянув на часы, добавил. – Ну, чутко передохнем и в обед будем наших собирать.

#

Сергей решил прогуляться, посмотреть, где и как торгуют продавцы. Ноги сами привели на угол Тихвинской улицы и Сушевского Вала. Купчиха бойко торговала, а Лена прилежно следила за ее работой, при этом стараясь не смотреть в глаза покупателям. Несколько пустых ящиков стояли в стороне.

Сергей подумал было развернуться восвояси, авось завтра студентка начнет работать самостоятельно, одна. Но Татьяна заметила его и крикнула:

– Студент! Иди сюда! Постой с Ленкой! Я обосралась!

Купчиха растолкала людей, стоявших в очереди, и поспешила к рынку. Сергей обошел толпу. Лена взглянула на него с благодарностью.

– Чего с нею стряслось? – спросил он, имея в виду Татьяну.

В ответ Лена только фыркнула и воздела глаза. А в следующее мгновение бросилась спасать помидоры.

– Подождите-подождите, я сама положу...

– Знаю я, как вы положите! – огрызнулась интеллигентного вида покупательница.

Лена попыталась отстранить ее руки, завязалась борьба. Очередь заволновалась. Еще несколько человек потянулись за помидорами.

– Хорошие помидоры себе забрали! А людям гнилье продаете! – кричала интеллигентная покупательница.

– Я продаю то, что с базы привезли, – объясняла Лена.

– Тюрьма по вам плачет! – прозвучало в ответ.

– Смотрите, что вы натворили! – возмущалась Лена, стараясь оттеснить людей от ящиков с помидорами.

– Что там происходит! Товарищи, совесть имейте! Мы тоже за помидорами стоим! Больше двух кило в одни руки не давайте! Не давайте больше двух кило! Это все или будут еще помидоры?! – кричали те, кто не мог дотянуться до лотка.

Сергей поднял пустой ящик над головой, вклинился между людьми и ящиками с помидорами и громко выкрикнул:

– А ну-ка руки! Руки уберите!

Он попытался прикрыть пустым ящиком товар. Какой-то мужик в белом берете дернул его за руку, и Сергей едва не упал. Он удержался на ногах, благодаря тому, что незнакомец схватил ящик с другой стороны и начал вырывать его из рук. Другие, рискуя пораниться о занозистое дерево, тянулись за помидорами.

– Товарищи, вы посмотрите, что делается?! Совсем стыд потеряли! – надрывался белый берет. – Смотрите, а?! Ящиком по голове!

– В ОБХСС нужно их! Торгаши проклятые! – донеслось из очереди.

– Какие торгошники! Вы посмотрите на них! Это же студенты! – нашелся кто-то проницательный.

– А-а! Студенты! Значит, в институт жалобу напишем!

Сергея и мужика в белом берете оттеснили в сторону. Противник не выпускал ящик из рук и то дергал его на себя, то толкал вперед, стараясь попасть Морозову в лицо. Так они и состязались: мужик толкал ящик – Сергей отталкивал, мужик рвал к себе – Сергей тянул на себя. Мужик был злее, а юноша сноровистей и в нужный момент попросту отпустил ящик. Белый берет как раз дернул его на себя, потерял равновесие и плюхнулся на асфальт. Ящик попал ему в лицо, из носа потекла кровь.

– Получил, скотина! – выкрикнул Сергей.

Он вновь бросился на подмогу к Лене. Не церемонясь, стал отпихивать людей от лотка.

– А ну отошли! Отошли отсюда! – кричал он, а на мгновение встретившись глазами с Леной, буркнул. – Честное слово, перестрелял бы всех.

Та была в отчаянии, а перемена, произошедшая с Сергеем, не успокоила, а еще больше напугала ее. Напряжение нарастало и грозило перейти в потасовку. Одни осаждали ящики с помидорами, другие оттесняли дорвавшихся до товара прочь и выступали союзниками, но лишь до того мгновения, как сами дорывались до лотков с помидорами. Отоварившиеся счастливчики напирали на Лену и требовали взвесить их сумки и принять деньги, а в противном случае грозились уйти, не заплатив. Прикрывая беретом лицо, через толпу прорывался к Сергею мужик с расквашенным носом.

На другой стороне улицы Морозов заметил фуражку мышиного цвета с красным кантиком. Он выбрался из толпы и нагнал сержанта милиции.

– Товарищ милиционер, – выдохнул он, – мы там торгуем... помидорами... а народ что-то... совсем озверел... Товар расхватили без спросу. Помогите, пожалуйста.

Сержанта нахмурился, окинул Сергея придирчивым взглядом и спросил:

– А вы кто такие? Откуда взялись тут?

– Да мы с Минаевского рынка, магазин «Овощи-фрукты», первый день на работу вышли.

– С Минаевского, говоришь. Ну, пошли.

Они направились к лотку. Сержанта поднес ко рту свисток. Раздалась грозная трель, люди притихли и повернулись к милиционеру. Все они сразу же ссутулились, все смотрели заискивающе, каждый своим видом хотел показать, что не был зачинщиком свары.

Лена, оценив, что представитель власти и Сергей держатся вместе, вздохнула с облегчением.

– Что тут происходит? – спросил сержанта начальственным тоном.

– Да вот помидоры расхватили без спроса, – объяснил Сергей, опередив людей из очереди.

– Так мы ж вот, просим взвесить, – промямлил один.

– Они хорошие помидоры себе забрали! – вскрикнула интеллигентного вида женщина.

– Минуточку! – повысил голос сержанта. – Что у вас в сумочке, гражданка?!

– Помидоры, – с вызовом ответила та. – Я прошу взвесить их...

– Значит, помидоры в сумке, а платить вы не заплатили! – перебил ее милиционер. – Статья сто сорок пятая уголовного кодекса РСФСР, грабеж, срок до четырех лет...

– Да какой же это грабеж, – раздался ропот. – Да он, вот смотрите, лицо человеку разбил...

– Он сам пустой ящик схватил, – пояснил Сергей.

Вперед вытолкнули пострадавшего. Мужчина на мгновение убрал грязный берет от лица. Но на сержанта вид кровоточившего носа никакого впечатления не произвел. Он кивнул на тех, кто успел набрать помидоры в сумки, и сказал:

– Отягчающие обстоятельства. Грабеж, совершенный группой лиц, срок от четырех до десяти, – затем милиционер повернулся к мужчине с расквашенным носом. – А вы, гражданин, значит, угрожали ящиком. Это уже сто сорок шестая, разбой, от шести до пятнадцати лет...

– Эвона вы, – протянул кто-то.

– А вы как хотели?! – возмутился сержанта. – Расхватили товар!

– Да мы бы заплатили...

– Не вижу, чтоб вы заплатили!

Люди отвернулись к лотку, стали по очереди выгружать помидоры в пластиковую миску. Не желая обострять обстановку, Лена взвешивала и рассчитывала присмиривших граждан.

– А ты руки не распускай, – сказал сержанта Сергею. – А то в другой раз не посмотрю, что ты с Минаевского.

Глава 7

– Глянь-ка! Девка-то – молодец! – позднее Татьяна нахваливала Лену. – Я-то оставила ее одну, сама думаю, ну все, хана, червонец минимум придется из кармана выложить! А она нате вам! Все продала!

Директор взвешивал выставленные на весы пустые коробки Татьяны и Лены.

– А ты че ее оставила? Обосралась что ли? – спросила Варвара Антоновна.

– Обосралась, – подтвердила Таня.

– Да что же у вас за язык такой?! – возмутился директор магазина.

Он вскинул брови и разгневанным взглядом мерил сотрудниц. Те не обращали внимания на его реакцию. Татьяна подошла к директору, но для того, чтобы разглядеть показания весов.

– Вот видишь, – поучала она Лену, – мы приняли сто килограмм, минус десять килограмм тары. За девяносто килограмм должны отчитаться. Помидоры были по семьдесят копеек. Итого – шестьдесят три рубля в кассу.

Татьяна отсчитала названную сумму и передала деньги Виктору Семеновичу. Он со вздохом забрал их. В руках у нее осталась маленькая стопка мятых купюр, а карман халата отвисал под тяжестью монет.

– Рубль положен грузчику, – Купчиха подбросила монету, и Тягач поймал ее на лету, – остальное наше.

Она пересчитала деньги и половину протянула Лене. Студентка взяла их и застыла, с удивлением глядя на веер купюр.

– Ой, это неудобно, – промолвила она.

– Неудобно, когда муж пришел, а у тебя член во рту! – оборвала ее Таня.

– Лен, спрячь их, – сказал Сергей.

Она перевела на него растерянный взгляд.

– Кто знает, а вдруг завтра у тебя недостача случится? – добавил он. – Из чего покрывать ее будешь?

Лена спрятала деньги в карман, Сергей подмигнул ей, улыбнулся и занялся картоном из-под бананов.

Они с дядей Сашей перевезли в магазин Татьяну с Леной и Варвару Антоновну. Последняя торговала бананами. Картонную тару директор не взвешивал, ее вес не принимался к вычету. Сергей думал попросту выбросить ее. Но Тягач не дал. Он обжег Морозова возмущенным взглядом, покрутил пальцем у виска и с загадочной обстоятельностью принялся расправлять картонные коробки. Сергей помогал, оставив расспросы на потом. Получившуюся стопку картона они сложили в каптерке.

Оставалось доставить в магазин лотки и тару Алки с Ирой, Ахмадеева и Юли.

Солнце поднялось высоко – в узких проходах рынка уже не спрячешься. Дядя Саша шел впереди и тянул тележку. Прищурившись, Морозов двигался следом. Противоречивые чувства занимали юношу.

Среди его родных и друзей работников торговли не было. Даже среди однокашников в институте не было никого, чьи родители работали бы в магазине, а тем более на рынке. По крайней мере, Сергей таковых не знал. Так повелось, что вся эта публика избрала для себя Московский институт народного хозяйства имени Плеханова, то бишь «Плешку», и Московский институт советской торговли. Да, еще был Московский кооперативный институт, находился он где-то в Перловке. Словом, это был какой-то другой, параллельный мир, представители которого априори считались ворами и жуликами. До сегодняшнего дня Сергей хотя и вступал вынуждено в общение с ними, но оставался по другую сторону прилавка. К торгашам

он относился брезгливо. Пребывал в уверенности, что к полудню XXII века вся эта публика должна исчезнуть, перевоспитаться, переродиться как-то.

Состоявшееся сегодня близкое знакомство подтвердило его прежние мнение: это отбросы общества. Они и сами признавали себя таковыми, хотя, скорее всего, безотчетно. Но откуда иначе их не просто нецензурный, но именно грязный язык в разговоре о себе? Утром он отметил, что и Алка, и Юлька хороши собою. Да и Купчиха выглядела соблазнительно, была ладненькой и такой, Сергей сказал бы, уютной, несмотря на излишнюю полноту. Утром он подумал было, как бы тут попользоваться насчет клубнички, но теперь эта мысль вызвала отвращение. Как можно целовать женщину, которая вместо «мне нужно в туалет» или «я была в туалете» говорит «я обосралась»?

#

О Зотовой думал он теперь снисходительно. Короткие, как у мальчишки, крашенные волосы, косметика толстым слоем, – немудрено, что он не узнал красивую девочку, в которую был влюблен когда-то. Она предпочла не его, а других ребят – не признававших никаких авторитетов и представлявших собою силу. Где теперь та красивая девочка? Куда привела ее СИЛА?

После разговора с ними хотелось вымыть руки с мылом. Противные, никудышные люди. В их окружении несколько странно выглядел директор, содрогавшийся от каждого неприличного слова. Впрочем, Сергей решил, что и на счет Виктора Семеновича не стоило обманываться. Нецензурная брань резала ему слух не в силу высокой культуры, а напротив – из-за культурной отсталости. Кавказец воспринимал слова исключительно в онтологическом смысле.

Казалось бы, что печалиться? Сергей знал, почему попал сюда. Нужно было остаться в Москве, нужно было распоряжаться свободным временем, – а такой возможности на «картошке» не представилось бы. Словом, нужно было перетерпеть этот месяц, сдать курсовую и экзамен по бухгалтерскому учету и впредь не допускать «хвостов».

Но было ему совестно. Он побывал по ту, по другую сторону прилавка и едва оказался там, в ту же секунду возненавидел всех этих людей, давившихся в очереди за помидорами, среди которых еще вчера мог оказаться и сам. Теперь он испытывал низменное удовольствие оттого, что в потасовке расквасил нос незнакомому человеку. Стыдно было оттого, что во время этой свары хотелось, чтобы презренная Татьяна поскорее вернулась и утихомирила публику своим хамством и грязным языком. Гадкой и унижительной была радость оттого, что на его стороне оказалась мощь государства в лице сержанта милиции.

Он вспоминал мужчину с расквашенным носом, пристыженную и присмирившую при появлении стража порядка очередь, и думал: поделом им, это же не он, а они из людей превратились в быдло из-за помидоров по семьдесят копеек за килограмм. Обидно было и то, что разглядев в нем и в Лене студентов, толпа мало того, что нисколько не умерила гнев, а словно еще и обрадовалась, что нащупала у них уязвимое место.

А солнечный свет пронизывал воздух, голова – спасибо бабе Зине – больше не болела, по асфальту стучали каблучки, порхали летние платья, сверкали коленки, причин для печали не было. Вот только курсовая и проклятый этот экзамен по бухгалтерскому учету. Ничего-ничего! Вечером, сразу после работы, заедет в институт, найдет Поддубского, Васильковскую, сыграет еще накануне придуманную комедию.

Алка и Ира, сидя на столе, болтали ногами. Пустые коробки были разбросаны рядом. Ира посмотрела на Сергея с сочувствием. Он хмыкнул, представив себе, какими воспоминаниями поделилась Алка.

– Ну че, безрукие! – зарычал Тягач. – Тару собрать не можете!

Ира спрыгнула на землю, потянулась за коробкой.

– Чего ты! – остановила ее Алка. – Слушай его больше! Это их работа! Давай, Сашка! Обленился совсем!

– В другой раз вообще не придем! Сами потащите, – пригрозил грузчик.

Ира выглядела затравленной. Чувством юмора девушка не обладала, а из уст мужика, поддатого, грубого, с лицом, слеplенным из сырой, непромятой глины, и вовсе не могла воспринять каких-либо шуток. Она слышала только окрик и, если бы не смешливая Алка, бросилась бы сама грузить пустые ящики на тележку.

По тротуару шла тетка с объемистой, но судя по тому, как она ею помахивала, пустой сумкой. На лице читалось разочарование, маленькие губы вытянулись в нитку. Выглядела тетка как рыбак, возвращавшийся ни с чем с промысла, сожалеющий о потерянном дне и завидовавший более счастливым товарищам. Поравнявшись с лотком, она ревниво взглянула на пустую тару и спросила:

– А что продавали?

Обращалась она к Алке, но у Сергея неожиданно вырвалось:

– А вам-то какая теперь разница?

– Да нет, я вот смотрю, может, после обеда опять продавать будете, – смиренно ответила женщина.

– Вот приходите после обеда и увидите! – задиристо сказал Сергей.

– А чем торговать-то будете? – спросила женщина.

Она и впрямь держалась как заядлый рыбак, который терпеливо сносил издевки и настырно выуживал подсказки о времени и месте нового лова.

– Что привезут, тем и буду торговать, – сказала Алка. – Это ребятам виднее, чего они там наразгружали с базы.

Женщина посмотрела на Сергея и дядю Сашу и голосом, не питавшим надежды, спросила:

– Ну, серьезно, товарищи, после обеда что будет?

– Тихий час, – ответил Сергей.

– Бананы, мать, бананы будут, – сказал дядя Саша.

– Нет, ну я серьезно спрашиваю, а вам все шутки шутить.

Решив, что тратит время впустую, она побрела дальше.

– Вот народ! Видал?! Как ни скажи, все плохо! – с обидой воскликнул дядя Саша и, добавив парочку крепких слов, покати́л тележку с пустой тарой к рынку.

Сергей шел рядом, придерживая столик и весы, водруженные на шаткую конструкцию из ящиков. Алка вышагивала впереди, сунув руки в карманы, отчего халат туго обтянул ее фигуру и при каждом движении подчеркивал соблазнительные формы.

– Хватит жопой вилять! – крикнул дядя Саша.

Ира брела как проданная в рабство невольница.

– Ну как прошло? – с участием спросил Сергей.

Она оглянулась на него, но сразу же отвела взгляд, отвернулась и шла молча, словно осуждала его за то, что он освоился здесь и принял местные правила игры. Сергей не обиделся, чувство превосходства над Ирой и Леной согревало его самолюбие. Впрочем, в душе Морозов честно признавал: он рад, что ему не придется стоять за лотком.

У Алки с Ирой тоже получился излишек. Сергей вышел на крыльцо, не дождавшись дележки, не хотелось ему, чтобы Алка уязвила его, подкинув рубль дяде Саше, а его словно и не заметив, как давеча сделала Купчиха.

На улице, он вдруг вспомнил, что Татьяна ничего не оставила Виктору Семеновичу. «Рубль положен грузчику, остальное наше».

А как же директор, спросил себя Сергей. Ответа он не знал.

Глава 8

– А-а, Серый! – воскликнул дядя Саша.

Сергей вздрогнул от неожиданности. Была такая привычка у Тягача: начиная разговор, окликать собеседника так громко, словно требовалось перекрыть пушечную канонаду.

– У нас тут, было дело, Рафаэль работал, – рассказывал дядя Саша по пути к торговой точке.

– Рафаэль? – переспросил Сергей.

Удивился он не столько имени, сколько перемене, происходившей с Тягачом, когда он говорил об этом Рафаэле. Голос у Тягача потеплел, глаза просветлели, наполнились смыслом.

– Рафаэль, – протянул он мечтательно. – Он вот, как и ты, студентом был. Но с грузчиками-то тогда перебор был. Так Рафаэль торговал на точке.

– Так он, знаешь что, – выдержав паузу, продолжил Тягач, и теперь его голос звучал проникновенно, словно говорил он о чем-то сакральном, – он как-то в коробку от яблок кусок бордюра подложил. И сдал Семенычу.

Они прошли еще немного, на лице Тягача блуждала благодатная улыбка. Он лелеял воспоминания о Рафаэле подобно тому, как совсем древние старики, которым в молодости посчастливилось лично разговаривать с Лениным, лелеяли воспоминания о великом человеке.

Затем дядя Саша с чувством подобным сожалению о пролетевшей юности и с данью памяти об удивительных днях еще раз протянул:

– Рафаэль...

И вернулся к действительности как раз на подходе к лотку Ахмадеева.

– А давно он работал тут? – поинтересовался на обратном пути Сергей.

– Кто? – не понял дядя Саша.

– Рафаэль, – уточнил Морозов.

Тягач поморщился и пробухтел:

– Года три назад... а может, пять...

Дядя Саша заметно расстроился. Сергей поневоле напомнил ему, как ненадежна его память, и пробудил страх, что канет в забвение не только чувство времени, а и какое-нибудь дорогое воспоминание.

– А ты говорил, что он на точке торговал. А что же не в магазине? – не унимался Морозов.

– Так ремонт же, – буркнул Тягач.

– А сейчас опять ремонт?

– Ремонт, – подтвердил дядя Саша.

Он пытался припомнить время, когда ремонта в магазине не было, но попытка оказалась тщетной и грозила испортить настроение окончательно. Тягач встряхнулся и зашагал веселее, а чрезмерно любопытного напарника осадил, впрочем, вполне добродушно:

– Да ну тебя на хрен...

В магазине весь картон из-под бананов они собрали в две стопы, перевязали веревкой и перенесли на пандус. Дядя Саша спустился вниз и забрал одну связку картона.

– Бери, Серый! Идем! – позвал он Морозова.

Тягач пошел вперед, держа картон перед собою подобно щиту. Сергей двинул следом.

– Посторонись, народ! – крикнул дядя Саша, приблизившись к пункту приема макулатуры.

– Молодые люди, а ничего, что здесь очередь стоит? – возмутился мужчина в очках.

– Да тут стоять, не настояться, а у нас трубы горят, – ответил Тягач.

– Пропустите их, это грузчики, они макулатуру грузят, – сказал какой-то бывалый книголюб, знавший местные порядки.

– Грузчики, – с презрением протянул мужчина в очках.

Дядя Саша исчез внутри пункта приема макулатуры. Сергей втиснулся следом и оказался прижатым к стене. Глядя поверх картона он видел затылок, багровую шею напарника, картон, который Тягач держал перед собой, и вершины макулатуры, упиравшиеся в потолок. Слышались женские голоса. Один, заискивающий, просил:

– Ну, дайте уж марочку. А то ж закончатся книги, а я не успею...

Второй голос выдавал хозяина положения, – хозяйку в данном случае. Этот звучал с ленцой:

– У вас там не пять кило, а четыре с половиной. Безмена нету что ли?! Дома взвесить не можете?

В помещении было не развернуться, и Сергею уместнее было обождать на улице, пока выйдет посетительница. Но ему не хотелось вновь оказаться среди тех, кто стоял в очереди, пусть и в самой ее голове. Но не потому, что боялся нападок уставших и раздраженных от долгого ожидания людей. Он оставался в стесненном положении, потому что казалось ему, выйди он обратно на улицу и тогда утратит в глазах людей привилегию заходить сюда без очереди и находиться внутри сколько пожелает.

– Ой, ну, дайте уж, – упрашивала невидимая за картонным щитом женщина. – Я же часто бываю, я в другой раз побольше сдам, вот обещаю!

– Ладно уж, вот берите марочку, – великодушно позволил второй голос.

– Ой, спасибо вам, Маргарита Сергеевна! Весь талон у меня! Ой, храни вас бог...

– Какая она тебе Сергеевна?! – хохотнул Тягач. – Она у нас королева! Марго!

Он подался назад и вдавил Сергея в стену, пропуская посетительницу. Счастливая обладательница талона на книгу выскользнула на улицу, сделалось легче. Тягач прошел вперед и швырнул свой картон на горы связок старых газет, книг и прочей макулатуры.

Маргарита Сергеевна женщиной оказалась пышнотелой, с крашеными волосами и густо накрашенным ртом. Она обстоятельно большим, влажным языком облизывала марки и наклеивала их на талоны. На Сергея Марго покосилась заинтересованным взглядом, но ничего не сказала. Он обошел дядю Сашу и опустил свою стопку картона.

– А-а, Марго! Вот напарник у меня теперь! Серега! Вдвоем мы теперь! – прогремел дядя Саша.

– Вдвоем, так вдвоем, – промолвила женщина так примирительно, словно подразумевалось, что нужно спорить, а она взяла и согласилась.

– Здравствуйте, – кивнул ей Сергей.

– Здравсьте-здасьте, – отозвалась она и протянула ему талон с полным комплектом наклеенных марок.

Затем она облизала еще несколько марок и такой же талон отдала дяде Саше.

– Пойдем, – Тягач хлопнул Сергея по плечу.

Они вышли наружу, и при дневном свете Морозов увидел, что стал обладателем талона на покупку романа Джеймса Фенимора Купера «Последний из могикиан».

– Здорово! – радостно выдал он.

– Бананы, Серый! – поддакнул дядя Саша.

Он не глядя сунул талон в карман, расстегнул ширинку, извлек на свет свое орудие и, когда до магазина оставалось три шага, на ходу начал справлять малую нужду. Остановившись сбоку от пандуса, он продолжил орошать стену.

– Директор-то у нас мировой мужик, – по ходу дела заговорил дядя Саша.

В голосе его звучала некоторая досада, словно знал он о грешках Виктора Семеновича и огорчался, что такой человек, а тоже не без изъяна.

– Вот только деньги зажимает, – посетовал Тягач.

– В каком смысле? – спросил Сергей, ожидавший на безопасном от брызг расстоянии.

– Вон Георгиц за каждую машину Яшке «треху» дает, – сказал дядя Саша.

Морозов догадался, что Георгиц – это директор магазина «Мясо-рыба».

– Так и Семеныч Яшке дал, – Морозов зачем-то встал на защиту директора.

– Яшке! – дядя Саша застегнул ширинку. – Правильно! Но нам-то он ни хрена не платит!

Тягач покопался в карманах и вытащил деньги. Пересчитав их на ладони-лопате, он отделил два с половиной рубля и протянул их Сергею.

– На вот, твоя половина от продавцов.

Морозов убрал эти деньги в карман, а взамен вытащил полученную от Георгица «трешку».

– Возьми, дядя Саш! Не люблю должным быть...

– Как хотишь, – Тягач забрал купюру. – Мог бы и потом отдать. Пойдем, порубаем что ль.

На обед были борщ и картошка с мясом, – Варвара Антоновна сама принесла в судках из соседнего кафетерия. И, конечно же, были помидоры, свои. Дядя Саша и Сергей ели в каптерке, поставив тарелки на тележку. Тягач в два прикуса уничтожил свою порцию и продолжил начатый давеча разговор:

– Мировой он мужик, Семеныч!

Тут голос его сел, глаза посветлели, он предался благостным воспоминаниям и рассказал, как зимою подрался с Семенычем из-за денег, как порвал директору дубленку и как тот ругался, но ругался – так, для порядка, а по сути, не обиделся за дубленку.

#

Поев, дядя Саша отвалился к стене, затылком раздвинул полы старого ватника, нашел привычное, удобно примятое местечко на стеганой подкладке и засопел.

Время, остававшееся до конца обеденного перерыва, было добрым, хорошим временем.

Ни то, что ночи. Ночи были скверными. Он не знал, что с ним происходит, не понимал, мучит ли его бессонница или все же он спит, но ему снится, что не спит? Отчего-то эта неясность особенно терзала. Отчего-то непременно он должен был знать: спит он или не спит? Эта неясность сводила с ума, при том, что не это было важно. Сон ли это или же какое-то беспмятство, – неважно! А важно, чтобы длилось оно как можно дольше, до позднего утра, до той минуты, когда оставалось вскочить, натянуть кепку на голову и бежать на работу.

Но к несчастью, обрывалось беспмятство намного раньше. Иногда он вставал и шел в уборную. Иногда обнаруживал, что лежит на мокром, хлюпающем матрасе и в уборную идти уже не нужно. Он изгибался, выискивая сухое место, и ждал, когда же наступит утро. Он лежал один, никто не видел его, никто не видел, как он поджимал колени и ждал, когда же наступит утро. Черный квадрат окна светлел с убийственной медлительностью. По углам копошились черные тени. Он замирал и всматривался в темноту, но удавалось разглядеть только кишмя кишашую кучу, а что в ней – жуть да и только. Иной раз, казалось, крысы, в следующую секунду он видел, что ошибся, это не грызуны, а руки! Черные обрубки рук, живущие своею жизнью.

Он боялся пошевелиться, думал, они не замечают его, пока он не двигается. Но в темноте мерцали маленькие зеленые глазки, и он понимал, что они знают о его присутствии. Да что – знают! Они собрались, чтобы мучить его! Он хватал ботинок и с проклятиями швырял его в самую гущу черных тварей. Они разбегались и затихали, но ненадолго. Едва истаявали по углам отголоски его надтреснутого голоса, как твари, прижимаясь к полу, снова сбегались в кучи и вновь шебуршали, елозили, скользили, превращаясь в живой клубок, а в центре клубка оказывался его ботинок.

Смертельная тоска охватывала его. Черная нечисть дразнила и нисколько не боялась его. Тени дрожали по темным углам, глазенки зловеще блестели, они готовили ему что-то ужасное, ужасную смерть, столь страшную, что хотелось, не дожидаясь, сунуть голову в петлю.

Когда квадрат окна становился достаточно светлым, он одевался и спешил прочь из дома, зная, что в этот раз обошлось, но однажды он не доживет до рассвета.

Он просил у Валентиныча место сторожа, чтобы не только дни, но и ночи проводить на рынке.

– Зачем тебе? Ты, что, грузчиком мало заколачиваешь? – удивился тот.

– Да не-е, денег мне и вовсе не надо, – сказал он. – Мне бы так, каптерку какую, где ночи коротать, а заодно и за порядком присмотрел бы...

– Денег не надо, а отдыхать нужно дома. У тебя же квартира есть, – ответил Валентиныч, удивленный и совершенно не понимавший собеседника.

Дядя Саша допустил промашку.

– Да что мне квартира?! Я и отдал бы ее. А мне бы каптерку тут...

– Ты, что, Сашок, охренел что ли?! – вскрикнул Валентиныч и покрутил пальцем у виска. – Как это – квартиру отдать?! Совсем что ли с ума хренакнулся!

– Да не-е, это я так, – протянул дядя Саша, опешивший от такой реакции.

Но Валентиныч на этом не успокоился.

– Ты, что, ты часом в карты ее не проиграл?! – насеł он на грузчика.

– Да не-е, да я карты и в руки-то не беру, – ответил дядя Саша, изумленный предположениями Валентиныча.

Его удивление было столь неподдельным, что подозрения на картежные долги отпали. Но Валентиныч долго еще пытал дядю Сашу, пока не уверовал, что с квартирой все в порядке и никаким образом права на нее не утрачены.

– Ты квартиру-то береги! Слышишь, квартиру ни при каких обстоятельствах терять нельзя! Без нее ты никто! Бомж! Умрешь под забором и все, – сказал напоследок Валентиныч.

Дядя Саша отступил. Рассказать Валентинычу о черных тварях он не мог, знал, что они пришли именно за ним, никто другой в них не поверит и – покажи – не увидит.

Конечно, крысы, или кто бы они там ни были, нашли бы его повсюду. Но на рынке он был бы при деле, при исполнении, и чувство долга придавало бы ему силы и храбрости. А дома он изначально оказывался в положении укрывшегося, спрятавшегося, по сути сдающегося на милость хищников. Но какой милости можно было ждать от черных тварей?! Боялись они лишь одного – рассвета.

По утрам приходила другая беда! Начиналось с того, что закипали губы. Чувство было такое, будто внутри нагревался кипятильник. Следом за ним в адский обогреватель превращался копчик. Несколько мгновений две точки в его организме накалялись, а затем закипевшая кровь разносила нестерпимый жар по всему телу. Плавился мозг, голова разрывалась, жилы вздувались так, словно их вытягивала ломовая лошадь. Он напрягался, внутренним усилием сжимал виски. В ответ – черная лошадь прибавляла тяги. Спасение было одно – промысел бабы Зины. Старуха, конечно, могла бы приходить и пораньше, к восьми хотя бы, к началу работы. Но любила, подлая, поспать по утрам, видно, черные крысы ее не мучили.

Опохмелился – и можно было жить. Мозги остывали, кровь успокаивалась. Жажда, конечно, мучила. Не утолить ее – вновь закипишь, вновь ломовые лошади жилы вытянут. Но теперь было нестрашно. С бабой Зиной прошелся за компанию, там стаканчик за здоровье, там – за упокой, жизнь, как говорится, налаживалась. К обеду просыпался хороший аппетит, дядя Саша основательно подкреплялся – наваристым борщом, мясом, картошечкой. Оставались его заветные пятнадцать минут до конца обеденного перерыва. Это было то время, когда черная жажда была утолена и уже не мучила, но мысль еще оставалась ясной, еще не затуманивалась. Дядя Саша скрывался ото всех под полами старого бушлата. Перед взором его возникало одно и то же, дорогое ему видение. Он видел двор, выстиранные рубашки покачивались на бельевой веревке. Стоит женщина, под ногами ее таз с бельем, правая рука согнута в локте, через нее перекинута скрученные полотенца. Она берет их по очереди, расправляет

и развешивает на веревке. Вдруг она оборачивается и улыбается ему, длится это всего мгновение, женщина возвращается к своему занятию, а он наблюдает за нею и ждет, что она обернется еще, но напрасно.

Она добрая, она очень добрая, это узнаешь по ее улыбке. Если бы она знала, каким дорогим станет это мгновение для него, непременно задержалась бы подольше, так, чтобы он мог разглядеть и запомнить ее лицо, ее смеющиеся глаза, улыбку...

– Зачем же ты пьешь? – спросил однажды Валентиныч. – Ты же знаешь, что напьешься до свинского состояния, а все равно пьешь! Вот когда ты берешь в руки стакан, о чем ты думаешь в эту минуту?

– Чтобы водки в нем было море! – зло ответил дядя Саша.

Перерыв заканчивался, и, раздвинув полы бушлата, он выныривал на свет. Его нутро срабатывало точнее часового механизма. Видение исчезало, в голове зачинался пока еще легкий гул, в мышцах, в жилах появлялось еще слабое, но нарастающее напряжение, в груди – томление.

Но днем все это не страшно, напротив, легкий зуд был сладок, был предвкушением. Два часа дня. Открывалась торговля спиртным. Баба Зина, занявшая очередь в «Восходе» еще с двенадцати, отоварится одна из первых.

Зачем ты пьешь, дядя Саша?

Чтобы жить.

Глава 9

Сергей вышел в торговый зал. До конца обеденного перерыва оставалось пятнадцать минут. Виктор Семенович занимался бумагами в своей конторке, в соседнем зале корпела над бухгалтерией призрачная Нина Ефимовна. Остальные коротали время перед входом в магазин.

На верхней ступеньке стоял стул, на нем восседала Варвара Антоновна. Она вела поучительную беседу, перебирая какие-то старые мелкие обиды. Солнце словно специально, чтобы скрасить отдых, появилось на небе и, судя по надвигавшейся пелене облаков, как раз к концу обеденного перерыва должно было скрыться. Купчиха и Ахмадеев грелись, прикрыв глаза. Хотя они и разместились ступенькой ниже, но видом своим показывали, что наставления заместителя директора по барабану им, и выдавали изредка ответные реплики не из уважения, а попросту, чтобы не нарушить благостное настроение. Алка и Юля стояли в сторонке. Юлька дымила сигаретой. На замечания со стороны Варвары Антоновны девушки огрызались и вульгарно хихикали.

На приступке сидели чинным рядом Лена и Ира. Разговор не имел к студентам никакого отношения, и девушки могли прогуляться или передохнуть поодаль от сквернословящих продавщиц. Но Лена и Ира держались в поле зрения наставников, подсознательно показывая покорность, неготовность к самостоятельности, нужду в опеке.

Сергей хотел было прикрыть глаза и подставить лицо солнечным лучам, но вдруг заметил соломенную шляпку, беззаботно и легко парившую над суетливой публикой. Легкий ветерок, наполненный запахом молодого картофеля и яблочным духом, перебирал кудряшки цвета сушеных на солнце помидоров. Некоторые мужчины провожали ее заинтересованными взглядами, кто-то, пожалуй, и телефончик спросил бы, но при других обстоятельствах, не сейчас, сейчас было жалко потерять место в очереди. Шляпка порхала, нигде не останавливаясь, лишь изредка слегка приподнималась – ровно настолько, чтобы хозяйка бросила взгляд из-под соломенной кромки и удовлетворила любопытство.

Варвара Антоновна заерзала, Сергей почувствовал, что сейчас по ее знаку все вернутся в магазин, чтобы заняться делами.

– Хо-хо! Кого я вижу! – воскликнул он.

Варвара Антоновна задержалась с командой, Ахмадеев и Купчиха вынырнули из полудремы, Алка и Юлька прервали свой щебет и даже Лена с Ирой посмотрели на Морозова. Он с удовольствием отметил, что заинтриговал всех. А ему и хотелось... Чтобы Ира знала: ему до лампочки, что она о нем думает, осуждает его или нет. Лена чтобы видела: они на равных, у нее обручальное кольцо, у него соломенная шляпка, а дальше – люди они взрослые, могут себе и позволить что-то без ущерба для колечка и шляпки, а нет – так нет, никто в накладе не останется.

Алке и Юлке показать, что им придется слишком хорошо повертеть задницами, чтобы привлечь его внимание.

Перед остальными – просто похвастаться.

Все они, проследив его взгляд, шарили глазами по толпе, пока соломенная шляпка не увязла в перекрестье их взоров.

Сергей не спешил, он ждал, когда Лариса подойдет ближе. Она поравнялась с ними, но смотрела в другую сторону, словно лотки с зеленью особенно привлекали внимание. Тут Сергей мог уже без ущерба самолюбию позвать ее, просто за тем, чтобы не прошла мимо. Но за мгновение до его оклика соломенная шляпка повернулась. Взгляд ее не был блуждающим, как у человека, который ищет кого-то, о месте нахождения кого имеет самые общие представления, знает, что он где-то здесь, а где именно – не знает. Ясно было, что Лариса давно заметила Сергея, но не спешила, сначала прогулялась в свое удовольствие.

Она двинулась навстречу, он спустился с крылечка, обнял ее, потянулся губами, и целовались они долго. Затем Лариса, ничуть не стесняясь, окинула взглядом его временных коллег. Сергей взял ее под локоток, хотел подвести поближе, познакомить. Но Варвара Антоновна не дала.

– Ну, кавалер! – улыбнулась она. – Про работу не забудь. А вы что рты разинули? Пошли, пошли...

Ахмадеев поднялся и остался стоять, с одобрением и хитринкой глядя на Сергея и Ларису. Он придерживал дверь, уступая дорогу женщинам. Студентки подошли к двери первыми, Варвара Антоновна пропустила вперед Лену, а Иру повела сама, обняв девушку за плечи. За ними проплыла Купчиха, в ее сытом взгляде появилось какое-то животное удовольствие. Последними с вызывающими ухмылками в магазин ушли Алка и Юлька.

– Из института? – спросил Сергей.

– Наоборот, только в институт, – ответила Лариса. – Мы во вторую смену.

– Так это же в два начало.

– А-а! Да куда спешить-то? Там делов-то – распределят нас на практику. Схожу, узнаю, куда меня распределили...

– А потом дома будешь или в институте?

– А тебе-то что? – задиристо спросила она.

– Если в институте – встретимся там. Мне нужно там найти кое-кого, чтобы «хвосты» сдать.

– Не знаю, – с неохотой протянула Лариса. – Если в институте меня не будет, значит, буду дома. Но лучше позвони сначала...

– Так у меня и телефона твоего нет.

– Запиши.

– Потом запишу. Вечером дома у тебя встретимся, – сказал он, имея в виду, что теперь без него она не должна никуда ходить.

Не дав ей возразить, Сергей поцеловал ее в губы и скрылся в магазине.

#

В зале дядя Саша, посвежевший после короткого отдыха в каптерке, уже грузил коробки с бананами на весы. Работал он с неожиданным энтузиазмом, в движениях его не было прежней, медвежьей размеренности, но какая-то поспешная сноровистость, словно впереди маячила награда, и ему с детской нетерпеливостью хотелось заполучить ее.

По пути на точку в ответ на традиционные вопросы Тягач повторил традиционно:

– Куда-куда?! В Лианозово!

– На такой тачке далеко не уедешь!

Но выдал свои шуточки он на ходу, можно сказать, на бегу, дежурно, без всякого удовольствия. Удивленный Морозов спросил:

– Дядя Саш, мы чего так торопимся?

– Машина сейчас придет, понятно? – буркнул Тягач.

– Понятно, – ответил Сергей.

Но, конечно же, он не понимал, отчего это грузчик вдруг проявляет такую ответственность? Машина придет! Что с того? Куда она денется?

Отгадка была простой. Тягач имел в виду не очередную доставку товара с плодоовощной базы, а грузовик, приехавший после обеда за макулатурой. Он появился минут через пятнадцать после того, как они развезли продавцов по точкам. «ГАЗ-51» свернул с Сущевского Вала в тупик. Дядя Саша бросил сигарету и с удовлетворением произнес:

– Вот он. Пошли, Серый.

Он не спеша, с довольным видом направился к пункту приема макулатуры.

- Ну, народ, разойдись! Разойдись! Давайте-ка, мамаша, в сторонку со своими газетками!
- Вот она, вот она, – слышалось сзади, это Яков обозначил бормотанием свое участие

в деле.

Тягач заглянул внутрь помещения и прогромычал:

- Ну, что, Марго, ты же без нашей помощи и аборта сделать не можешь!
- Кабы не ваша помощь, и аборт бы не понадобился, – беззлобно парировала Маргарита. Она выдала марки очередному книгочею, и тот с оскорбленным видом, пряча глаза,

вышел на улицу.

- Перерыв! Технический перерыв! – осадила приемщица следующего посетителя.
- Повесь табличку «Ушла аборт делать!» – хохотнул Тягач.

Сергей забрался в фургон, а дядя Саша и Яков подавали ему стопы газет, картона и старой бумаги. Иногда лопались веревки, и он принимал рассыпающиеся кипы.

- Ну, куда, куда ты мне это?! – протестовал водитель.

Он тянулся руками к Сергею, норовя выхватить несвязанные стопы бумаги. Но подоспевал Тягач, не церемонясь, могучим плечом отодвигал шофера в сторону и подавал новые связки:

- Куда-куда! На растопку! – утихомиривал он водителя. – Бери, пока дают...
- С работы из-за вас выгонят, – жаловался тот.
- Правильно сделают, – подхватывал дядя Саша. – Придешь к нам, научим тебя родину любить!

Бумага рассыпалась, и Сергей ногами заталкивал ее вглубь фургона. Люди, пришедшие сдавать макулатуру и томившиеся в очереди, поглядывали на них с тоскливой обреченностью, словно погоня за редкими книгами была занятием физиологическим, и необходимость отправлять свои надобности на глазах у грузчиков повергала в смятение. Особенно они стеснялись и даже побаивались шумного и бесцеремонного дядю Сашу, чем и подзадоривали его.

В какой-то момент Тягач выхватил пачку газет из сумки на колесиках у средних лет женщины в толстых очках.

- А что тут возиться? Давай сразу сюда! – он сделал вид, что хочет бросить связку в фургон.

Женщина, бережно собиравшая газеты в течение нескольких месяцев, в отчаянии запричитала:

- Ай-ай-ай!

Она потянулась к дяде Саше, но тут же отдернула руки, вцепилась в ручку и передвинула сумку на колесиках за спину.

- Шучу, шучу я! – загоготал Тягач.

Он повернулся к женщине, протянул обратно пачку газет, та в испуге попятилась. Дядя Саша по-медвежьи облапил ее, и она заверещала тихо, несмело, полагая, что сейчас у нее отберут всю макулатуру. Тягач сунул пачку газет в сумку, затем забрал стопку у Якова, всучил ее напуганной женщине и хохотнул:

- Вот тебе подарок! Бери, не бойсь!
- Э-э! Но ты не налей! – возмутился водитель.

Он выхватил из рук женщины «подарок» и бросил его под ноги Сергею.

Когда они закончили, Тягач поманил Сергея и скрылся внутри пункта приема макулатуры. Сергей спрыгнул на землю и последовал за дядей Сашей. Маргарита сидела в пустом, полутемном помещении. Она неторопливо облизала большим, влажным языком марки, заполнила ими три талона и выдала их грузчикам.

– Такой у меня есть уже, – сказал Сергей, положив на стол талон на роман Джеймса Фенимора Купера «Последний из могикан».

– Других нет, – промолвила королева Марго и с удивлением спросила: – А какая тебе разница?

– Бери! Два раза прочитаешь!

С этими словами Тягач взял талон, сунул его в руки Сергею и хлопком по плечу направил его к выходу.

Глава 10

– Эй, командир!

Если бы утром кто-нибудь так окликнул Морозова, он даже не обернулся бы – ему бы и в голову не пришло, что это к нему адресовано. И если бы утром к нему обратились с последующей просьбой, он извинился бы с ледяной вежливостью и ответил бы, что ничем не может помочь. Но сейчас он был не студентом, а напарником Тягача, грузчиком, ловко устроившимся в правильное место и что-то такое знавшим о жизни, что позволяло шагать по ней с циничной уверенностью, перед которой пасовали те, кто томились в очередях за помидорами и талончиками на книги.

Мужчина в темных очках сидел за рулем синего «жигуленка». Сергей мотнул головой: мол, чего тебе? Тот снял очки, и Морозов увидел в глазах приветственный блеск – так смотрят, когда примечают в толпе своего, родственного по духу, человека.

– Командир, помидоры есть? Почем кило?

– Были, вроде, если еще не распродали. Семьдесят копеек – кило, – ответил Сергей.

– По рублю плачу. Сделай десяток, – сказал незнакомец.

Тон его был свойский: земля, дескать, круглая, когда-то и я тебе подсоблю, пропущу без очереди и возьму недорого, по тридцать копеек на рубль.

Сергей эдак по-заправски огляделся, влево-вправо бросил короткие взгляды, будто как раз сейчас со всех сторон ожидал прибытия курьерских экспрессов и прикидывал, может ли он отлучиться, успеет ли обернуться. Затем посмотрел на незнакомца снисходительно и спросил:

– Тебя как звать-то?

– Юра, – ответил тот.

– Ты вот что, Юра, встань вот сюда, – Сергей показал на глухую стену магазина, – а я посмотрю, что сделать можно.

Он поднялся на пандус и прошел в торговый зал. На полу возле прилавка стояли ящики с помидорами. Дверь в кабинет директор была открыта, и Виктор Семенович заметил, как Морозов переминается с ноги на ногу.

– Ну, как дела? – приветливо спросил директор.

– Хорошо! – откликнулся Сергей. – Вот друг подъехал, помидоров просит.

– Возьми, – кивнул директор.

– Он много просит, десять килограмм, – ответил Сергей.

– Хм, солидно, – промолвил Виктор Семенович и спросил: – Взвешивать умеешь?

– Попробую.

Директор магазина вышел из кабинета и начал взвешивать помидоры. Сергей внимательно следил за гирьками и противовесами, прежнее наваждение прошло, и теперь ему сделалось стыдно. Он боялся, что и Виктор Семенович по глазам поймет, что никакого друга нет, а Сергей попросту занялся спекуляцией.

Директор закончил и, кивнув на помидоры, сказал:

– Семь рублей принесешь мне.

Тоном и взглядом он выражал одобрение, словно радовался тому, что новый сотрудник быстро освоился и втянулся в работу.

Морозов вынес ящик с помидорами на улицу. «Жигуленок» стоял у стены магазина – там, где Сергей велел владельцу поставить машину. Хозяин курил снаружи. Увидев Морозова, он поспешно бросил только начатую сигарету, затоптал ее и кинулся открывать багажник.

– Тару вернуть нужно, – сказал Сергей.

У Юры нашлись пустые мешки. Они пересыпали помидоры, и покупатель протянул «красненькую». Сергей повертел купюру в руках и спросил:

– А «трояками» не разобьешь?

Юра пошуровал по карманам и выдал три «трешки» и потрепанный рубль.

– Ну, бывай, заскакивай, если нужно чего, – сказал Морозов.

Он вернулся в магазин, размышляя, как поступить: отдать директору все десять рублей или только семь? Виктор Семенович велел принести семь, но ведь он не знает, за сколько на самом деле Сергей продал помидоры. К тому же Морозов был уверен, что все продавцы делятся с директором своими излишками. «Наверняка, они это делают в конце рабочего дня», – подумал он.

Он зашел в кабинет Виктора Семеновича и положил на стол семь рублей. Директор забрал деньги, и вновь благосклонно посмотрел на Морозова – как на специалиста, подающего большие надежды.

#

– А-а, Серый! Ты где запропастился? – дядя Саша заглянул в магазин и помахал рукой, чтобы Морозов вышел на улицу.

Баба Зина дожидалась его с недовольным видом. Яков перетаптывался рядом, любовно поглаживая брюхо.

– Ну, где ты ходишь? У меня времени нет, люди ждут. На вот, держи, – она протянула Сергею бутылку водки.

Он забрал ее, вытащил из кармана деньги и отсчитал пять рублей.

– Так это не мне, – отказалась женщина. – Сашке отдай. Он же за тебя расплатился. Забыл, что ли?

– Так что ж вы меня-то ждали? – удивился Сергей. – Отдали бы ему бутылку...

– Чудак-человек, – усмехнулась баба Зина. – Он же ее выпьет! А ты с кого спрашивать будешь? С меня.

Она побрела дальше, покотив за собою сумку, и серебряный звон изнутри переливался со скрипом колесиков.

– Мать, ты завтра пораньше приди! – крикнул вслед ей дядя Саша.

– Сейчас! Разбежался! – не оборачиваясь, отбрила его баба Зина.

Сергей отдал пять рублей Тягачу и, повертев бутылку в руках, буркнул:

– Куда бы ее пристроить пока?

– В каптерке оставь, не пропадет! – заверил его дядя Саша.

Они втроем прошли в подсобное помещение. Сергей поставил водку в дальний угол и прикрыл свисавшим со стены тряпьем без особой надежды увидеть бутылку вновь.

– Ну, баба Зина, дай бог ей здоровья, – выдохнул дядя Саша, открывая свою бутылку.

Яков держал наготове три мутных стакана. Тягач разлил водку, и они выпили.

– Пойду, девчонок проведу, – сказал Сергей.

Под этим предлогом он оставил новых друзей, заодно окончательно распрощавшись с припрятанной бутылкой. Сожалел он не столько о будущей пропаже, сколько о том, что потратил деньги на водку. Он перебрал оставшиеся купюры в кармане. Выходило немного. А ведь деньги не помешали бы.

Сергей поймал себя на мысли о том, что рассуждает о них, как о законно причитающемся ему заработке, и сожалеет теперь о бездарно потраченных рублях, ничуть не смущаясь их происхождения. Посмотрел бы сейчас на него Леонид Павлович!

Однако что же было ему делать? Отказаться от денег? Чтобы прослыть здесь белой вороной? Стать изгоем? В конце концов, это Леонид Павлович избрал для себя такую службу, дело своей жизни, а его, простого студента, загнали сюда на месяц, отработать возложенную на студентов барщину. Вовсе не улыбалось ему весь этот месяц терпеть насмешки и издевательства

от того же Тягача или Таньки-Купчихи. Он должен отбыть трудовую повинность и вернуться к учебе, а уж Леонид Павлович пусть сам думает, как известить воров и спекулянтов.

Сергей прогуливался по рынку. За день он успел примелькаться, и торговцы признавали в нем своего. Он надеялся, что выпитая водка выветрится к концу рабочего дня. Нужно было съездить в институт, найти Поддубского и Васильковскую или хотя бы узнать их расписание.

#

Он проделал пару кругов и встретил Якова. Тот, умиротворенный вновь выглянувшим солнышком и выпитой водочкой, отдыхал у входа в магазин. Сергей не дошел до него нескольких шагов, когда дорогу преградил незнакомец с рыжей копной волос.

– Эй, слышь, ты «Овощи-Фрукты»?

– Я, – ответил Сергей, заметив, что толстый Яков следит за ними с явным неодобрением.

– У тебя, говорят, абонементы есть? – наседал рыжий.

– Какие абонементы? – удивился Морозов.

– Какие?! – фыркнул собеседник. – Макулатурные. На книги. Отдай! По «пятере» плачу! Яков поймал взгляд Сергея и отрицательно помотал головою.

– А-а! Да не-е, нет у меня талонов, – сказал Морозов и, увидев недоверие в глазах рыжего, уточнил: – Я сестре отдал. Мы сами книги собираем.

– Хм, – незнакомец окинул Сергея насмешливым взглядом, пожал плечами и пошел своей дорогой.

– Правильно сделал, что не отдал, – одобрил его действия Яков. – Это Фимка, халявщик!

– А дядя Саша где? – спросил Сергей.

Яков с сожалением вздохнул, развел руками и сказал:

– Бродит где-то. Теперь уж до вечера. Потом вернется, с Семенычем лаяться будет.

Действительно, до конца рабочего дня Тягач отсутствовал. За это время Сергей и Яков разгрузили машину, приехавшую в магазин «Мясо-рыба», и Георгиш дал Морозову три рубля, разгрузили машину, пришедшую в магазин «Овощи-фрукты», и Виктор Семенович заплатил «треху» Якову, потом Сергей стрельнул телефон у прелестных двойняшек, отучившихся первый день в цирковом училище и завернувших на рынок по пути домой, затем он в одиночку на тележке перевез в магазин лотки и пустую тару, и каждый из продавцов вручил ему по рублю. В какой-то момент его отвел в сторонку Виктор Семенович и доверительным, заговорщицким тоном сказал, что последняя машина с базы опаздывает и приедет не раньше семи. Директор спросил: не сможет ли Сергей задержаться и помочь с разгрузкой. У Морозова язык не повернулся отказать. Визит в институт он решил отложить на завтра.

Удивляло его отсутствие Тягача, а точнее то, что загул грузчика под конец рабочего дня оказался делом обыденным. Вот и Яков на вопрос о дяде Саше ответил «Бродит где-то. Теперь уж до вечера». И директор не возмущался, что очередную машину с базы разгружают студент и работяга из соседнего магазина. Виктор Семенович еще и «трешку» Якову заплатил за работу, которую должен был сделать дядя Саша бесплатно, ну то есть за зарплату по ведомости. «А меня бы не было, Яков был бы занят, как же они управились бы?» – задавался вопросами Сергей. Ответ получил, когда приехала последняя, запаздывавшая, машина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.